

ВЫПУСК

12

Диф

приключения фантастика



БИБЛИОТЕЧКА «УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

«ЗВЕЗДНЫЕ УТЯТА» КОМИКС с. 15-18



ОБЛОЖКА С. ТРИГОРЬКИНА
ИЛЛЮСТРАЦИИ О. ЩЕРБАКОВОЙ

ВОЛКИ ПО ТУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

РОБЕРТ ГОВАРД
ЛАЙСНЕЛ СПРЕГ ДЕ КАМП

ЕЩЕ мгновение назад на поляне было пусто, а теперь на ее краю, возле кустарника, стоял мужчина. Ни один звук не извещал о его появлении, только птицы, спугнутые человеком, галдящей стаей взмыли вверх.

Мужчина наморщил лоб, оглянулся и бесшумно двинулся вперед. Несмотря на огромную, могучую фигуру, гибкостью движений он напоминал леопарда. Из одежды на нем была только набедренная повязка, правая рука перевязана грязной тряпкой, все тело в царапинах и ссадинах. На лице, под растрепанной гривой черных волос читалась усталость, глаза горели, как у раненой дикой кошки. Он все так же напряженно вслушивался в шум леса и вздрогнул, когда вдали раздался пронзительный крик, прозвучавший, как вой волка. Мужчина был киммерийцем и знал голоса леса, как цивилизованный человек знает голоса друзей. Ярость сверкнула в его глазах. Киммериец зарычал, как зверь, готовый вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть.

Между ним и тропой, параллельно краю поляны, заросшему густым кустарником, лежал ствол дерева, осевший при падении на землю. Увидев его, киммериец остановился. Он понимал, что свежие следы выдают его, и не только он, но и его преследователи прочтут этот след.

Мужчина быстро начал притаптывать траву между тропой и лежащим деревом. Достигнув конца ствола, киммериец вскочил на него и побежал обратно в сторону, к кустарнику. На отполированной поверхности не осталось никаких следов. Достигнув густого кустарника, мужчина растворился в нем.

Время тянулось медленно. Белки снова беззаботно занялись своими делами, но внезапно спрятались в ветвях. На краю поляны, опять все с той же стороны, бесшумно появились трое мужчин — темнокожие, приземистые, с развита мускулатурой, в черные волосы воткнуты перья орла, тела разрисованы сложным узором, в руках оружие из кованой меди.

Осторожно оглядев поляну, они склонились над тропой. Двигаться по следу, оставленному киммерийцем, было не просто даже для тренированной собаки. Медленно дойдя до середины тропы, первый преследователь остановился и указал остальным на примятую траву. Все внимательно стали осматривать зеленую стену леса, но их жертва спряталась хорошо. Наконец охотники снова тронулись в путь, на этот раз быстрее. Следы, казалось, показывали, что их жертва от усталости и отчаяния утерья бдительность. Однако едва они миновали место, где тропа подходила близко к кустам, как киммериец вынырнул позади них, крепко сжав в руках свое оружие: кинжал с длинным лезвием и секиру. Нападенье было столь внезапным, что у замыкающего не осталось шансов для спасения. Клинок пронзил его сердце, прежде чем мужчина заметил грозящую опасность.

Двое других обернулись с быстротой захлопывающейся лопухи, но киммериец уже успел вытащить кинжал из тела первой жертвы и нанести мощный удар секирой, расколов череп второму сопернику. Оставшийся в единственном числе воин бросился в атаку. Киммериец воспользовался преимуществом двойного оружия: отбросив секирой копьё противника, он кинжалом, зажатым в левой руке, распорол раскрашенный живот. Сложившись пополам и истекая кровью, воин издал ужасный вопль. Это был не столько крик боли, сколько крик удивления и звериной ярости. Дикий вопль множеством глоток ответил ему издалека.

Бормоча неразборчивые проклятия, киммериец повернулся и побежал. Он больше не старался скрыть свои следы и надеялся теперь лишь на быстроту своих длинных ног.

Некоторое время позади него все было тихо, потом с того места, которое он только что покинул, раздались демонические вопли. Преследователи обнаружили убитых. Кровь, капавшая из открывшейся раны, оставила позади него яркий след, который мог прочесть и ребенок. Киммериец знал, что волки в человеческом облике не бросают кровавый след.

Вопли стихли. Это означало, что преследование возобновилось.

Киммериец знал, что прятаться от преследователей отныне бесполезно, и искал теперь место, где, имея прикрытые с тыла, можно продать свою жизнь как можно дороже.

Внезапно лес кончился. Киммериец находился перед каменной стеной, вочти отвесной. Оглядевшись, он увидел,

что стоит перед одинокой скалой, которая, как каменная башня, возвышалась над лесом. В юности киммериец, подобно козе, карабкался по горам. Возможно, будь он в лучшей физической форме, и сейчас сумел бы одолеть скалу, но, раненый и усталый, он не имел на это шансов.

Киммериец еще не достиг площадки, когда около сорока раскрашенных дикарей выбежали из леса. Они пускали в беглеца стрелу за стрелой. Одна из них вонзилась в икру. Киммериец, не останавливаясь, вырвал ее и бросил в сторону. С яростью перевалявшись через край карниза, он обернулся, готовый встретить смерть с открытым лицом.

Преследователи, легко прыгая с камня на камень, кинулись на штурм. Первым крутой части скалы достиг воин, раскрашенные орлиные перья которого указывали на его принадлежность к верхушке племени. Он откинул голову и собрался издать крик триумфа, но неожиданно застыл неподвижно, как статуя, и жажда крови в его глазах сменилась испугом. Вождь отпрянул назад и повелительно вытянул руку.

Всеобщий воинственный рев смолк, и дикари усталились вверх, но не на человека, а на скалу. Внезапно в едином порыве они сунули стрелы в кожаные колчаны, повернулись и мелкой рысью, ни разу не оглянувшись, побежали обратно по тропе.

Киммериец озадаченно смотрел им вслед. Он хорошо знал племя Орла, чтобы понять, что преследование прекращено окончательно, и воины возвращаются в свои деревни. Это казалось совершенно необъяснимым. Что в его убежище было такого, что заставило военный отряд Орла отказаться от своей жертвы, которую они преследовали с настойчивостью голодных волков?

Киммериец осторожно поднялся. Голова кружилась от чудовищного напряжения и потери крови. Выплюнув сухую пыль, он быстрым движением протер глаза и осмотрелся. Внизу под ним длинными непрерывными волнами тянулась зеленая чаща, на западе виднелась сине-зеленая дымка, означавшая близость моря. Позади него поднималась круглая каменная стена, увенчанная высоким каменным гребнем. Ямки, похожие на узкую лестницу, вели вверх. На расстоянии двух шагов находилась щель, в которую мог пролезть человек.

Солнце, стоящее высоко, освещало расщелину. Заглянув туда, киммериец обнаружил туннельобразную пещеру, в конце которой находилась большая, окованная железом дверь. Киммериец тихо присвистнул от удивления: этот западный берег был безлюден на тысячи миль, если не считать диких племен. Однако эту дверь изготовили отнюдь не дикари.

Полный подозрений, киммериец шагнул вперед, сжимая в руке секиру. Когда глаза привыкли к мягкому сумраку пещеры, он увидел огромные, окованные медью и железом сундуки, громоздившиеся вдоль стен. Киммериец попробовал было открыть сундук, но крышка не поддавалась. Он размахнулся секирой, чтобы сбить замок, но передумал и направился к массивной сводчатой двери, украшенной искусной резьбой. Дверь открылась без всякого сопротивления. Открыв, киммериец молниеносно отступил назад, выхватив секиру и кинжал. Мгновение он стоял так, замерев в угрожающей позе.

Пещера освещалась слабым светом, исходящим из большого драгоценного камня. Камень лежал на маленькой подставке из слоновой кости, стоящей в центре огромного стола из черного дерева. Вокруг стола сидели молчаливые фигуры, присутствию которых так поразило киммерийца. Фигуры не пошевелились, не обернулись, только голубой туман, вставший под сводами, зашевелился, как живой.

— Мертвые они там все, что ли! — пробурчал киммериец. Ответа не последовало.

— Вы могли бы предложить мне немного вина, — грубо сказал он. — Вы что, считаете, что человека, не принадлежащего к вашему братству, не стоит принимать дружески? Вы хотите...

Киммериец умолк, уставившись на фигуры, необычно тихо сидящие вокруг стола.

— Они не пьяны, — пробормотал он, наконец. — Они вообще не пили. Во имя Крома, что все это значит!

Он переступил порог, и голубой туман тотчас начал двигаться быстрее. Туман сгустился и огромная черная рука схватила киммерийца за горло.

НОГОЙ в изящной туфельке Белеза плула ракушку, перевернув ее. Розовый край ракушки походил на первый проблеск восхода над туманным берегом.

Повернувшись в сторону суши, Белеза отсутствующим взглядом посмотрела на форт, который вот уже полтора года был ее домом. В размытом голубизну жемчужно-серого неба поднималось знамя, ее дома — золотое с алым, но красный сокол на золотом фоне не вызывал воспоминания в девичьей груди.

В саду и на полях вокруг форта работали люди, с опаской оглядывающиеся на лес. Они боялись этого леса, и страх был обеснованным. В шепчущей глубине леса их подстерегала смерть, неизбежная и беспощадная.

Вздохнув, Белеза медленно направилась к воде. Каждый проведенный здесь день был похож на предыдущий, как два капли воды. Мир городов и замков, полный радости и удовольствия, находился за тысячи километров. Девушка никак не могла понять, что заставило графа Зингары бежать из дворца предков на этот дикий берег вместе со своей святой и челядью.

Взгляд Белозы смягчился, когда она увидела девочку, еще ребенка, бежавшую к ней по прибрежной полосе. Мокрые волосы цвета лавны прилипли к голове, глаза девочки горели от возбуждения.

— Леди Белеза! — крикнула она, произнося зингарские слова с мягким офирским акцентом. — О, леди Белеза!

Белеза, улыбнувшись, обняла девочку. Всю свою нежность Белеза отдавала этому существу, бедной сиротке.

— Что случилось, Тина!

— Корабли! — крикнула девочка и указала на юг. — Я плавала по ту сторону гребня и увидела его!

Сердце молодой девушки забилось при этом известии. С тех пор, как они высадились на этом берегу, она не видела ни одного корабля. Взбежав на гребень, они увидели белый, надутый ветром парус, вздымавшийся на расстоянии нескольких миль. У Белезы родилось неприятное предчувствие, что этот корабль не принесет счастья. Что привело чужаков к бухте Корвель?

Тина прижалась к своей госпоже.

— Кто это может быть, моя леди! — пробормотала она. — Человек, которого боится граф!

Белеза, намеревшись лоб, посмотрела на нее сверху вниз.

— Почему ты решила, что мой дядя кого-то боится!

— А иначе зачем он укрылся в таком диком месте! — названо ответила Тина. — Посмотрите, моя леди, как быстр этот корабль.

— Мы должны сообщить об этом дяде, — решила Белеза. — Рыбацьи лодки еще не вышли, и никто, кроме нас, не видел корабль.

Девочка подобрала сандалии и тунику, и они направилась в форт. Они еще не достигли дверей крепости, как прозвучал резкий звук рога — сигнал тревоги.

Из маленькой обзорной башенки на крыше главного здания граф Валенс наблюдал за приближающимся кораблем. Граф, худой, мускулистый мужчина пятидесяти лет, носил штаны и куртку из черного шелка. Он нервно крутил тошное усы.

— Что ты думаешь об этом, Гальбо! — спросил он своего мажордома — человека со скучным лицом, одетого в сатин и сталь.

— Это карака, мой лорд. Карака — стакелажамм — парусам, как у барханских пиратов.

Корабль уже обогнул выступ и пересекал бухту. На вершине мачты внезапно затрепетал черный флаг с контурами алой руки.

— Да, это барханцы, — пробурчал Гальбо. — И если мне не изменяет память, это «Красная рука» Стромбани. Интересно, что он ищет у наших берегов!

— Нам это не предвещает ничего хорошего, — резко ответил граф.

Белеза с Тиной наблюдали за событиями из окна главного дома. Молодая женщина почувствовала, как дрожит девочка, и прижала ее к себе.

— Они бросили якорь, — тихо сказала Белеза. — Не бойся, малышка! Моряки не смогут захватить форт!

— Они плывут к берегу в длинной лодке! — воскликнула девочка. — О, моя леди, я так боюсь! Какие огромные мужчины в доспехах! Они нас сожрут!

Несмотря на собственный страх, Белеза рассмеялась.

— Конечно, нет! Как ты могла так подумать!

— Зингелито рассказывал, что барханцы едят женщин. — Он пошутил. Барханцы ужасны, но они ничем не хуже зингаранских ренегатов, которые называют себя корсарам. Посмотри, пираты высадились на берег, и теперь один из них идет к форту. Наверное, это сам Стромбани.

— Эй там, в форте! — донес ветер хриплый голос. — Я пришел сюда под белым флагом.

Пират остановился в пределах слышимости. Это был огромный мужчина без головного убора, с золотистыми волосами. Из всех морских грабителей мало кто мог соперничать с ним в известности.

— Говори! — приказал Валенс. — Хотя у меня и нет желания выслушивать людей такого сорта.

Стромбани улыбнулся, но глаза его оставались холодными.

— Когда ваш галеон в прошлом году во время шторма ускользнул от меня, кто мог подумать, что мы встретимся снова, Валенс. Сегодня я был приятно удивлен, увидев над фортом ваше знамя с красным соколом. Я нашел вас!

— Кого нашли! — нетерпеливо фыркнул граф.

— Не надо спорить, — сказал пират. — Я знаю, почему вы прибыли сюда. Где ваш корабль!

— Тебе его не найти!

— У вас больше нет корабля! — со злорадством воскликнул Стромбани. — Я вижу часть мачты галеона на заборе. Вы потерпели кораблекрушение, высадившись здесь, и теперь я получу свою добычу!

— Может быть, я барханец, которого можно ограбить! — вскричал граф. — Что можно добыть на этом пустынном берегу!

— То, зачем мы пришли сюда! — холодно ответил пират. — Дайте мне товар, и мы уйдем, никого не трону!

— Ты, должно быть, сошел с ума! — возразил Валенс. — Я пришел сюда в поисках мира и уединения и наслаждался этим, пока из-за мира не приполз ты, желтокожая собака. Убирайся прочь! Забери своих негодяев и исчезни!

— Я исчезну только тогда, когда твой жалкий форт превратится в кучу золы, — яростно прервал его Стромбани. — В последний раз предлагаю: отдай мне добычу и тем спасешь свою шкуру. У меня сто пятьдесят человек, которые ждут не дожидаясь, когда им позволят перерезать вам глотки! Вместо ответа сквозь бойницу вылетела стрела и ударила о нагрудный панцирь Стромбани. Пират яростно выругался и побежал к берегу.

— Проклятая собака! — в ярости воскликнул граф и ударил скверного лучника по голове. — Почему ты не попал ему в горло!

Барханцы славились яростной тактикой нападения, но были в то же время не настолько глупы, чтобы безрассудно гибнуть во время атаки, и стремились поэтому использовать любое прикрытие. Однако земля вокруг форта была очищена, и чем ближе барханцы приближались к форту, тем больше несли потери — тут и там лежали трупы, латы которых блеснули на солнце. Пока явное преимущество было на стороне укрывшихся в форте.

На берегу, возле ангара, пираты застучали топорами. Граф яростно выругался, увидев, что они сделали с лодками.

— Они строят передвижной щит, — сказал он. — Нужна вылазка, чтобы помешать им.

Гальбо покачал головой:

— Мы не выдержим рукопашного боя. Нужно оставаться за оградой и надеяться на крепость стен.

— Великолепно, — проворчал Валенс. — Но только в том случае, если пираты не ворвутся в форт.

Время шло. Дуэль продолжалась с переменным успехом. Наконец группа из трех десятков нападающих приблизилась к форту, толкая перед собой большой щит, сколоченный из разбитых лодок. Щит был прикреплен к арбе.

— Стреляйте, — лицо Валенса побледнело.

Стрелы вонзались в толстое дерево, не причиняя ни малейшего вреда.

— Сорок человек с пиками и топорами к воротам! — распорядился Валенс.

Пираты с триумфальными криками подкатили щит к воротам. В центре щита — таран с железным наконечником. Мускулистые руки ударили брезном в ворота, ворота пошатнулись.

Шум боя перекрыл новый звук: с корабля прозвучал сигнал трубы. Стромбанны услышал его, когда, уперевшись ногами в песчаную почву, удерживал таран на могучих руках.

— Стойте! — прорезал он.

В наступившей тишине с берега что-то прокричали — люди внутри палисада не поняли что. Но Стромбанны понял. Он отдал сопровождаемому проклятьями приказ. Пираты бросили таран, а щит стали быстро оттащить к берегу.

— Смотрите! — завизжала Тина, подпрыгивая от возбуждения. — Они бегут! Все! Бегут к берегу! Прыгают в лодки и гребут к своему кораблю. Неужели мы победили!

— Я думаю, нет, — Белеза отодвинула занавеску. — Смотри, смотри, Тина!

К форту приближалось большое трехмачтовое судно. На ветру трепетал королевский флаг государства Зингары.

ГОЛУБОЙ туман сгустился в ужасную темную фигуру. Она заполнила всю переднюю часть пещеры и скрыла собой молчаливые фигуры за столом. Киммериец не был уверен, но ему показалось, что он видит исклокоченный мех, острые уши и два отростка — рога.

Длинная рука все еще сжимала его горло. Киммериец обрушил на нее свою секиру. От сильного удара оружие выскочило из руки и, звеня, ударило о стену. Насколько мог видеть киммериец, клинок не проник в тело чудовища. Чтобы ранить демона, недостаточно простого оружия.

Когда волосатые пальцы коснулись его кожи, варвар автоматически напряг стальные мышцы шеи и глубоко вгнул голову, чтобы уменьшить противнику площадь захвата. С тех пор, как Конан боролся с Ваалитефом в замке Ханумана в Замбуле, он не встречался с такой мертвой хваткой.

Бросив кинжал, киммериец вскинул обе ноги высоко вверх, изо всех сил ударил пятками в грудь чудовища. Сила удара высвободила его от смертельного захвата и отшвырнула назад в туннель.

Упав на твердый камень, он перекувырнулся и оказался на ногах, готовый бежать или бороться.

Тяжело дыша и, как волк, оскалив зубы, Конан смотрел на дверь, ведущую в пещеру. Странное дело... Как только он оказался в туннеле, чудовище растворилось, снова став голубым туманом.

Итак, теперь понятно, почему воины-пикты повернули назад. Конан постарался вспомнить все, что слышал о демонах в юности и во время странствий. Собрав все свое мужество, с колотящимся сердцем он обратился к сверхъестественному существу:

— Эй ты, ужасный монстр! Не потрудишься ли выйти! — киммериец был уверен, что сможет убежать от неуклюжего гигантского чудовища.

Ответа не последовало. Голубой туман клубился над сводами пещеры. Внезапно Конан вспомнил слугу пиктов о демоне, заколдованном для убийства чужеземцев, пришедших из-за моря. Колдун запер демона в пещере вместе со своими жертвами, чтобы тот не смог вырваться и разорвать самого колдуна...

Граф Валенсо, повернувшись к Гальбо, сказал:

— Быстро наружу! Затяните щит в форт, пока чужаки не успели высадиться на берег!

— Но Стромбанны бежал! А новый корабль плывет под флагом Зингары!

— Делай, что сказано! — прогремед Валенсо. — Мои враги не только иностранцы.

Прежде чем зингарский корабль бросил якорь, приказание графа было выполнено.

Стоя у окна, Тина удивленно спросила:

— Почему снова заперли ворота! Неужели граф бьется человека, который плывет на этом судне!

Белеза не знала, что и подумать. Дядя никогда не говорил ей, почему он ушел в изгнание. И теперь реакция графа на появление своих соотечественников всерьез тревожила девушку.

Тем временем Тина, отчаянно жестикулируя, живо продолжала комментировать происходящие события:

— Все наши вернулись в форт, взяли копыя и о чем-то совещаются. В самом деле, если этот корабль гонится за пиратами, то почему забыл про них и на всех парусах направляется к форту! Ага, вот они спустили шляпку, и она плывет сюда.

Лодка, преодолев три кабельтовых, отделявшие судно от берега, ткнулась носом в песок. Из нее вышел человек в черном плаще. Он был высок, строен, под черным плащом блестели черный шелк и сталь. За ним следовала свита, тоже в черных плащах, три человека со шпагами на боку.

— Стойте! — приказал граф, когда незваные гости оказались шагах в ста от стены форта. — Я буду говорить только с вашим капитаном! Пусть все останутся на месте, а он подойдет ближе!

Высокий человек снял шлем и поклонился. Затем отделился от своей свиты и пошел вперед. Его товарищи остановились, залахнули в плащи и положили руки на эфесы шпал. Моряки, сидящие в лодке, подняли вверх весла и, не отрываясь, смотрели на флаг, развевающийся над палисадом.

Гордо вскинув голову, капитан обратился к защитникам форта:

— Между нами, людьми чести, не должно быть недоверия.

Можно было хорошо рассмотреть темную кожу, узкий, как у хищной птицы, нос, тонкие черные усы.

— Я знаю вас, — сказал Валенсо, поколебавшись. — Вы корсар, прозванный Черный Заромо.

— Кому не известен красивый сокол Корзетты, — усмехнулся собеседник, пристально разглядывая укрепления форта.

— Кажется, этот берег стал местом встречи негодяев всех южных вод. — Ну и чего ж вы хотите, красивый сокол Корзетты!

— Мой лорд, — сказал Заромо проникновенным голосом, — разве это приветствие для гостей-избавителей! Разве агрессивная собака Стромбанны не хотел протаранить ваши ворота! И разве он не смазал пятки, как только мы появились на горизонте!

— Все так, — нехотно согласился граф. — Хотя я лично не вижу большой разницы между пиратом и корсаром.

Заромо откровенно расхохотался, ни капельки не чувствуя себя оскорбленным.

— Вы откровенны, мой лорд. Поверьте, я хотел только просить разрешения бросить якорь в вашей бухте. Нам нужно запастись провиантом и набрать воды. Что же касается меня, то я, честно говоря, надеялся получить приглашение на стаканчик вина.

— Что ж, хорошо. Но с одним условием, Заромо. Ваши люди могут высадиться на берег и шастать по лесам сколько им угодно. Но в форт, кроме вас, не войдет никто. И вообще, во избежание разных недоразумений, посоветуйте своим головорезам держаться подальше от стен. Я дам одного быка, можете приготовить его (но не больше). А если вы попытаетесь нас обмануть, уверяю вас, мы сумеем за себя постоять.

Корсары высыпали на берег. Загорелые парни носили пестрые шелковые одежды, на головах платки, в ушах золотые кольца. Около ста семидесяти человек разбили лагерь на берегу. Валенсо заметил, что Заромо установил посты с обеих сторон бухты. Забив выданного им быка, корсары вытащили на берег бочки с пивом и развели костер. Успокоенный миролюбием пришельцев, Валенсо несколько отмяк и, заметив, что несколько корсаров направились в сторону леса, счел нужным предупредить Заромо.

— Не позволяйте своим людям ходить в лес. Если вам мало мяса, возьмите еще одного быка. В лесу полно дикарей. За последнее время оттуда не вернулось шестеро моих слуг!

Искоса взглянув на графа, корсар осклабился, поблагодарил графа, взобрался на стену и приказал своим людям вернуться в лагерь.

Если бы Заромо мог проникнуть в чащу леса, он, несомненно, вздрогнул бы, увидев там мрачную фигуру. Незнакомый гигант свирепым взглядом наблюдал за высадившимися на берег чужаками. Это был ярко разрисованный воин-пикт в набедренной повязке из кожи животного и с пером птицы-носорога над левым ухом.

СОЛНЦЕ село за море, и его кровавые лучи окрасили верхушки черных волн. С моря наступала серая стена тумана, он клубился и, как дым, вползал в форт.

Ворота форта были крепко закрыты. Солдаты несли охрану на палисаде. Капли тумана блестели на их шлемах. Всю внимание охрана сконцентрировала на лесе, который сквозь туман выглядел мечеткой темной дышкой.

В большом банкетном зале на столе стояли закуски и бутылки с вином.

— Ваши люди действительно рады отдыху, — говорил граф.

— У нас было долгое путешествие и упорная охота, — отвечал Заромо.

За столом из красного дерева сидели Валенсо, его племянник, мажордом, начальник охраны форта и корсар Заромо.

— Вы преследуете Стромбани! — осведомился граф.

— Да, — рассмеялся Заромо. — И он не уйдет от меня. Мы ищем одно и то же.

— Что могут пираты и корсары искать в этой голой стране! — проговорил Валенсо, наблюдая переливы света в бокале.

— А что привлекло сюда графа из Зингары! — ответил Заромо вопросом на вопрос.

— Я не мог спокойно смотреть, как приходит в упадок королевский двор...

— Честные корзеттцы терпят это на протяжении нескольких поколений, — сказал Заромо без обиняков. — Мой лорд, утолите мое любопытство: почему вы продали поместье, нагрузили корабль скарбом и исчезли! И почему осели здесь! Ведь ваше имя и меч по достоинству были бы оценены в любой цивилизованной стране!

— Почему я покинул Зингару... — сказал граф, играя золотой цепочкой, висевшей на шее. — Ну, это мое дело. А выбор места — чистойшей случайность. Мы остановились для небольшого отдыха, но налетевший шторм разбил корабль о скалы.

— Значит, если появится возможность, вы вернетесь к цивилизации!

— Да, но не в Кардову.

Заромо обратился к Белезе.

— Вам здесь не слишком скучно, моя леди!

Желание увидеть новое лицо привело девушку в банкетный зал, но теперь она жалела об этом. Взгляд корсара нельзя было трактовать двояко, несмотря на вежливый тон и манеры. Белеза видела, что это маска, под которой скрывается властолюбивый и угрюмый характер.

— Здесь мало разнообразия, — тихо ответила она.

— У меня есть корабль, — Заромо посмотрел на графа Валенсо, — и если мы придем к соглашению...

— Соглашению! — Валенсо недоверчиво посмотрел на гостя.

— Я бы удовлетворился определенной долей, — объяснил Заромо, барабанив по столу пальцами, похожими на лапы отвратительного паука.

— Долей чего! — Валенсо удивленно смотрел на него. — Мои деньги лежат на дне бухты.

— Не надо втирать мне очки, мой лорд, — резко сказал Заромо. — Вы продолжаете утверждать, что случайно высадился в этом месте!

— Это идея моего рулевого Зингелито, который раньше был корсаром, — холодно ответил Валенсо. — Он посоветовал пристать здесь и обещал разъяснить почему, но не успел. Его убили пикеты.

Заромо пристально смотрел на графа.

— Ну хоть что-то, — сказал он наконец. — Я верю вам, мой лорд, и хочу сделать предложение. Признаюсь, что первоначально имел другие планы. Я считал, что драгоценности у вас и собираюсь взять форт штурмом, но потом изменил намерения... — от пристального взгляда Заромо Белеза покраснела. — Мой корабль к услугам вашей семьи. Остальным придется выбираться самим.

Прислуга вдоль стен озабоченно переглянулась.

— Но сначала вы поможете мне найти сокровища, — заключил корсар.

— Во имя Мирты, какие сокровища! — сердито спросил граф.

— Вы когда-нибудь слышали о Кровавом Транникосе, величайшем из Бараканских пиратов!

— Кто же не знает Транникоса! Он похитил сокровища принца Стигии Тетмерки.

— Верно. Потом Транникос, опасаясь за свою жизнь, бежал на север, и больше никто его не видел. Прошло почти столетие, но сокровища принца Стигии не дают людям покоя. По слухам, одному из приближенных Транникоса удалось вернуться и даже нарисовать карту, прежде чем его убили. Сиа-



зывается, Транникос нашел бухту на пустынном берегу. Взяв сокровища и одиннадцать верных людей, он сошел на берег, приказав вернуться за ними через неделю. В условленный срок пираты никого не нашли. Они были снаряжены полковой отряд, но их планам помешали пикеты. Возвращаясь на Бараканские острова, корабль попал в сильный шторм, от всей команды спасся только один человек. Вот и вся история о драгоценностях Транникоса.

Я видел карту. Со мной находились Стромбани, Зингелито и один немедиец. Это было в одном из кабаков Местантии. Карта лежала на столе, кто-то столкнул лампу — наступила темнота. Когда зажегся свет, карта исчезла, а ее хозяин, старый скряга, был мертв.

С тех пор мы со Стромбани выслеживаем друг друга. Узнав, что Стромбани отправился на север, я последовал за ним. Все говорили о том, что это та самая бухта. Я думаю, что Транникос спрятал сокровища здесь на скале-башне или около нее.

А теперь мое предложение: я предлагаю сделать ваш форт базой и совместно искать драгоценности. Найдя тайник, забираем сокровища и плывем к любой дальней гавани, где я смогу золотом стереть память о своем прошлом. Я хочу жить цивилизованно, с многочисленной прислугой и женой благородной крови.

Граф презрительно смотрел на Заромо.

— Отдайте мне в жены вашу племянницу, — напрямую потребовал корсар.

Белеза возмущенно вскочила.

— Как вы могли отважиться! — воскликнул Валенсо.

— Вы забываетесь, граф Валенсо, — спокойно проговорил

корсар. — Мы не при дворе Кордовы. На этом пустынном берегу ценится не благородство, а сила мускулов и оружие. А здесь у меня преимущество. Вам не придется расквашаться, если мы породимся. Вы получите зятя, которого можно не стыдиться в Корзетте.

— Вы сошли с ума! — граф рассерженно вскричал. — Вы... Что это! Что за шум!

Это был перестук легких ножек. В банкетный зал вбежала Тина. Растерянно сделав реверанс, она подбежала к Белезе.

— Тина! Почему ты не в своей комнате?

— Я потеряла нитку кораллов, которую вы мне подарили, — Тина преданно посмотрела на Белезу. — Боясь, что вы не позволите мне ее искать, я попросила жону одного солдата помочь мне выйти из форта и вернуться назад. Я нашла нитку на берегу, где купалась сегодня. Накажите меня, если я поступила плохо.

— Тина! — Белеза прижала девочку к себе. — Я никогда тебя не наказывала. Пойдем в твою комнату, я помогу тебе переодеться.

— Да, моя леди! — пробормотала Тина. — Но сперва разрешите сказать о черном человеке.

— Что! — сорвалось с губ графа Валенсо, Бокал выскользнул из его руки и со звоном разбился об пол. — Что ты сказала!

— Черный человек, мой лорд, — испуганно произнесла Тина, глядя на побледневшее лицо Валенсо. — Когда я бежала к берегу, то видела его. Ветер дул и стонал, море буржидло — и тут появился он! В странной черной лодке, окруженный голубым свечением. Он вытащил лодку около южного рога бухты и направился к лесу.

Валенсо пошатнулся, как от сильного удара. Схватившись за горло, он сорвал с шеи золотую цепь. Со страшным выражением лица граф вырвал девочку из объятий Белезы.

— Ты, маленькое чудовище! Ты лжешь! Ты слышала, что я бормотал во сне и теперь хочешь помучить меня! Признаться, что лжешь!

— Дядя! — испуганно воскликнула Белеза, хватая Валенсо за руки. — Что вы делаете!

Граф грубо оттолкнул племянницу, выхватил у одного из слуг бич и неистово принялся хлестать ребенка по спине.

— Пощадите, мой лорд! Молю вас! — пронзительно кричала девочка. Она напрасно пыталась спрятаться за спины слуг — в их лицах не было сочувствия.

— Ты лжешь! Лжешь! — орал граф. — Он не может преследовать меня здесь!

— Идиот! Идиот! — Белеза была почти в истерике. — Вы же видите, что она говорит правду! Животное! Животное!

Разум, казалось, вернулся к Валенсо. Он отбросил бич и прислонился спиной к стене. Тина, съехавшись, ничком легла на полу. Белеза опустилась на колени, судорожно покрывая поцелуями лицо девочки.

— Я принимаю ваше предложение, Заромо, — резко сказал Валенсо.

В первую минуту Белеза не поняла, что произошло. Корсар, безмолвно наблюдавший дикую сцену, теперь отратительно захихикал. Его смех словно вернул девушку в мир реальности. Она с гневом обернулась и увидела, что Валенсо сидит за столом и вливает в себя вино из огромного бокала. Волосы графа всклокочены, пот течет по лицу, превратившемуся в маску ужаса. Возле Валенсо, криво улыбаясь, стоит корсар и тихим голосом что-то говорит ему. Дядя безвольно кивает в ответ. Не способная сказать ни слова, Белеза подвинула плачущую девочку и понесла вверх по лестнице.

Войдя в комнату, Белеза положила девочку на кровать и стала смазывать ее раны маслом. Тина слабо всхлипывала.

— Я не глала, моя леди! Я видела черного человека. Это очень большой человек, и плащ на нем черный. Я сильно испугалась, когда увидела его, кровь застыла в жилах.

— Тсс, Тина... — Белеза попыталась успокоить девочку. — Лежи тихо, и боль пройдет.

Дверь в комнату открылась. Белеза выпрямилась, держа в руке кинжал, украшенный драгоценностями. На пороге стоял граф Валенсо. Белеза подняла кинжал.

— Если вы еще раз поднимете на Тину руку, — произнесла она пересохшими губами, — я воткну кинжал вам в сердце, клянусь Митрой!

Граф не обратил внимания на ее слова.

— Я поставил охрану вокруг главного дома, — сказал

он. — Завтра Заромо приведет в форт своих людей. Найдя сокровища, мы уйдем отсюда.

— Вы решили продать меня ему! — прошептала Белеза. — Продать! Во имя Митры...

Граф бросил на нее мрачный взгляд. Девочка отшатнулась.

— Ты сделаешь то, что я прикажу, — сказал граф. Повернувшись, он покинул комнату. Белеза обессиленно опустилась на кровать.

ДЕВУШКА не знала, сколько прошло времени. В глубоком забытии она сидела на краешке кровати, рядом с Тиной, и сухими глазами смотрела на матовый огонек свечи. Она очнулась, когда девочка подняла голову и совершенно спокойным голосом, глядя в глаза Белезе, сказала:

— Что мне делать, моя леди!

— Не знаю, моя девочка... Думаю...

Тут Тина прижала палец к губам, ее глаза расширились от страха.

— Что случилось! — Белеза непроизвольно воизвила голос до шепота.

— Кто-то там, в коридоре. Постоял перед нашей дверью и тихо пошел дальше, к комнате графа.

— Вероятно, дядя...

— Нет, нет, моя леди! Не открывайте дверь. Я чувствую что-то недоброе.

Белеза протянула руку к металлическому кружочку, закрывающему крошечное смотровое отверстие.

— Он возвращается! — прошептала Тина.

Белеза услышала скользкие шаги, которые не могли принадлежать никому из знакомых ей людей. Торопливым движением она погасила свечу и сдвинула металлический кружок.

Темная фигура пересекла полосу слабого света. Белеза успела заметить гладко выбритую голову и лицо с резкими чертами хищной птицы. Кожа незнакомца была коричневой и блестящей.

Белеза затаила дыхание и стала ждать отклика солдат, дежуривших в банкетном зале. Они должны заметить незнакомца. Но нет, все было тихо.

— Это черный человек! — одними губами произнесла девочка...

К утру Белеза почувствовала, что воздух стал тяжелым и душным. С моря доносился глухой рев. Задув огарок, девушка подошла к окну.

— Барабаны! — вскрикнула Тина сквозь сон. — Черный человек... бьет в черные барабаны... в черном лесу! О, Митра, защити нас!

Белеза содрогнулась.

Вой ветра постепенно усиливался. Темная туча на западном горизонте распухла, расширялась и чернильно-черной массой надвигалась на форт. Белеза удивленно наблюдала за ней. В прошлом году в это время вообще не было штормов. Однако дом был погружен в глубокий безмолвие. Контраст между приближающимся буйством и давящей тишиной казался нереальным. Начали просыпаться люди. По лестнице затопали ноги, раздался голос Заромо:

— Почему меня не предупредили о шторме с запада! — в его словах слышались нотки страха. — Если корабли сорвет с якоря...

— В это время года не бывает штормов! — самоуверенный, спокойный голос Валенсо. Как будто вчера не было ни малоденя пиратов, ни черного человека, будто вокруг были не дикие леса, кишящие дикарями, а окрестности загородной виллы под благоустроенной Кордовой.

Шторм с грохотом налетел на берег. В свете молнии Белеза увидела, как корабль Заромо сорвало с якоря и с чудовищной силой бросило на береговые утесы.

Шторм утих, и утреннее солнце показалось на голубом, вымытом дождем небе. Птицы на деревьях пели свои песни, на листьях, как бриллианты, блестели капли.

Светловолосый человек умылся возле ручья. Он отделился от своих соратников, и теперь вокруг него были только неумолимый птичий щебет и золотые в лучах солнца корабельные сосны. Он стоял, пригнувшись к воде, а когда поднял голову, непроизвольно ойкнул и ухватился за меч. Человек огромного роста, скрестив на груди руки, в упор смотрел на него. Глаза светлоголового пирата расширились от удивле-

ния, когда он увидел плотно облегающие штаны, высокие сапоги с большими отворотами, широкополый плащ и головной убор — одежду, бывшую в моде сто лет назад. Узнав подходящего, пират поблднеел.

— Ты, — недоверчиво выдохнул он. Проклятья сорвались с его губ, и он поднял меч. В ответ гигант взмахнул широкой саблей. При первом ударе клинков птицы испуганно взлетели с деревьев. Звон стали завершился глухой удар. Рукоятка меча выскользнула из онемевшей руки пирата. Последним усилием он вытащил что-то из-за пояса и попытался поднести к губам, но тут дрожь пробежала по его телу, и жизнь покинула его.

Победитель нагнулся и высвободил из пальцев то, что было зажато в них...

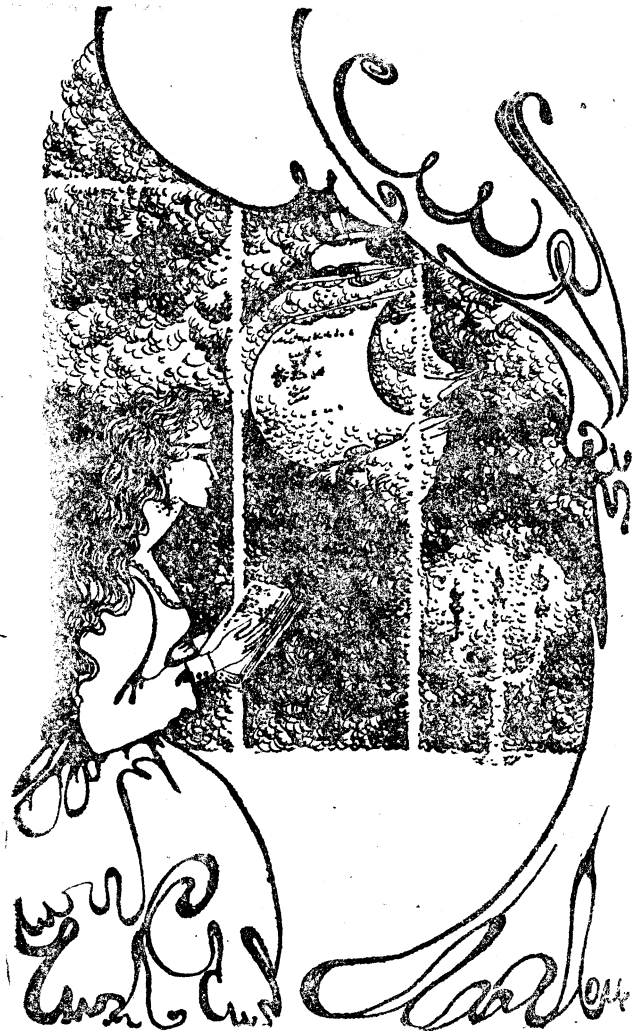
Заромо и Валенсо стояли на берегу и мрачно смотрели на осколки мачт и разбитые доски, которые собирали их люди. Это было все, что осталось от корабля. Немного позади стояла Белеса, обнявшая рукой Тину. Без особого интереса Белеза прислушивалась к разговору.

— Сейчас не время для штормов, — мямлил граф. — Думаю, это не случайность, шторм был послан, чтобы сделать невозможным бегство отсюда. Я в западне. Мы все в западне...

— Очередной бред, — пробурчал Заромо и резко дернул за ус. — Вы не сказали ни одного разумного слова с тех пор, как эта девчонка напугала вас рассказом о черном человеке. Я не хочу проводить здесь остаток жизни. В лесу полно деревьев, мы построим новый корабль.

— На это потребуются месяцы, — вздохнул Валенсо.

— Вы можете предложить лучший способ провести время! Пока возводится корабль, мы отыщем драгоценности.



— Нам не построить корабль, — уныло повторил Валенсо.
— Вы можете говорить внятно! Кто этот черный человек!
— Тень моего кровавого прошлого, — пробормотал Валенсо, глядя на море. — Из-за него я бежал из Зингары.
— Если этот парень высадился здесь, — сказал Заромо, — мы отыщем его!

— Легче поймать тень от облака или клочок тумана. И безопасней голой рукой ловить кобру.

— Кто, наконец, этот человек, будьте вы прокляты!
— Тень моей собственной жестокости и алчности, ужас прошлых времен, он не смертный из мяса и костей...

— Парус! — крикнул наблюдатель на северном роге бухты.

Заромо повернулся, и его голос, как удар бича, раздался в воздухе:

— Ты узнаешь корабль!

— «Красная рука»!

— Стромбанны! — воскликнул Заромо. — Он ускользнул от штерма и теперь идет сюда, — тут голос корсара превратился в рев. — Все в форт, собаки!

Заромо скрипнул зубами, когда, отделившись от пиратского судна, к берегу направилась длинная лодка. Лодка подошла к берегу, и Стромбанны в одиночку направился к форту.

— Эй, там! Я пришел вести переговоры.

— Почему же ты этого не делаешь! — мрачно ответил Заромо.

— Вчера я вышел под белым флагом, а в меня ударила стрела! — желчно произнес пират.

— Ты вынудил нас к этому, — подал реплику Валенсо.

— Во всяком случае, я требую гарантий, что подобное не повторится!

— Я обещаю... — насмешливо крикнул Заромо.

— Твое слово — пустой звук! Пусть скажет Валенсо!

— В тебя не будут стрелять! Можешь подойти ближе, — с достоинством произнес Валенсо.

— Этого достаточно, — заверил Стромбанны.

Подойдя к воротам, он не удержался от насмешки:

— Ну что, Заромо, теперь у тебя на один корабль меньше!

— Как тебе удалось спастись, крыса! — не удержался, в свою очередь, от вопроса корсар.

— В паре миль к северу есть бухта, защищенная песчаной косой.

Заромо мрачно наморщил лоб.

— Я здесь для того, чтобы заключить договор по обмену, — равнодушно продолжил Стромбанны.

— Нам исчем меняться, кроме ударов меча, — парировал Заромо.

— Я придерживаюсь другого мнения, — улыбка играла на губах Стромбанны. — До сегодняшнего дня я считал, что драгоценности Траникоса у Валенсо. Но вы убили моего первого офицера и украли карту — значит, у вас их нет. Иначе зачем вам карта!

— Карта... — Заромо пожал плечами.

— Она у вас, — Стромбанны засмеялся, но в глазах его сверкала ярость. — Пираты не носят сапог!

— Но... — смущенно начал граф и замолчал, увидев предостерегающий знак Заромо.

— Если карта у нас, чем ты сможешь нас заинтересовать!

— Впустите меня в форт, — предложил Стромбанны, не ответив на вопрос. — Там мы спокойно поговорим.

— Ладно, но твои люди останутся на своих местах, — предупредил Заромо, указывая на лодку и корабль.

— Очень хорошо, но Валенсо должен обещать, что я покину форт живым.

— Я даю вам слово, — заверил его граф.

БЕЛЕЗА и Тина спрятались на широкой лестнице, над банкетным залом, незаметные для людей, сидевших за длинным столом: Валенсо, Заромо и Стромбанны.

Стромбанны выпил большой кубок вина и сразу перешел к делу:

— Мы все заинтересованы в драгоценностях Траникоса. У каждого есть что-либо, необходимое остальным: у Валенсо — снаряжение, припасы и форт, у Заромо — карта, у меня — корабль.

— Если у тебя была карта, — проворчал Заромо, — почему ты не отыскал сокровища!

— У меня ее не было. Это Зингелито зарезал старого

скрягу и свистнул карту. Когда он приплыл сюда, пикты: помешали ему вести поиски, многих убили, а карта пропала. Недавно один из пиктов продал ее мне. Карта находилась у первого офицера. Я ему доверял, да и экипаж, приходить у, верил ему больше, чем мне. Сегодня утром возле леса его закололи. Это не могли сделать мои люди, ни у кого из нас нет таких сапог. Это ваша работа.

Теперь у вас есть карта, но нет сокровищ, иначе вы бы не стали разговаривать со мной. У вас нет и корабля, чтобы увезти их отсюда. Мое предложение: Заромо отдает карту, вы, Валенсо, обеспечиваете меня свежим мясом и другими продуктами. Мы делим сокровища, и я вас всех троих вместе с леди Белезой доставлю к цивилизованным берегам.

Корсар в задумчивости дергал свои усы. Смешно думать, что Стромбанны собираются честно соблюдать договор.

— А как быть с моими людьми, — сказал он. — Я не могу бросить на произвол судьбы экипаж...

Стромбанны презрительно фыркнул.

— Возмешь двух человек, с ними ты не сможешь захватить мой корабль.

— Дай день на обдумывание, — попросил Заромо, чтобы потянуть время.

Стромбанны ударил кулаком по столу.

— Нет! Я требую немедленного ответа!

Заромо вскочил. Ярость одержала верх над хитростью.

— Барханский шакал! Ты сейчас получишь ответ — кинжал в поганое брюхо...

Стромбанны тоже вскочил, яростно взревев. Валенсо попытался остановить их.

— Господа! Я вас очень прошу! Заромо, я же дал слово...

— К черту ваше слово! — оскалил зубы корсар.

— Спокойно, мой лорд! — весело произнес пират. — Я не считаю ваше слово нарушенным, если в честной борьбе обменяюсь несколькими ударами меча с этой собакой!

— Верно, Стром! — внезапно произнес позади них высокий сильный голос.

Из двери, ведущей в соседнее помещение, вышел человек. Он твердой походкой и уверенно подошел к столу, с его появлением напряжение усилилось.

— Конан! — одновременно воскликнули пират и корсар.

— Точно так, — гигант насмешливо улыбался окаменевшим фигурам.

— Что вы здесь де-е-е-лае-е-ете! — заикаясь, произнес мажордом. — Как вы проникли сюда!

— Перелез через палисад с восточной стороны, пока ваши оболтусы топтались у ворот, — ответил Конан. По-зингарански он говорил с варварским акцентом. — И с интересом слушал вашу беседу, находясь в соседней комнате.

— Я считал, что ты умер, — протяжно проговорил Заромо. — Три года назад видели обломки твоего корабля.

— Великий океан не принял меня к себе, — отшутился Конан. — Я выбрался на сушу, был солдатом в Черных Королевствах, потом в Аквалонии. Но Румедидесу перестало нравиться мое лицо. А теперь к делу, господа...

Сверху Тина смотрела на незваного гостя, в возбуждении схватив Белезу за запястье. Девушка видела воплощенную в кровь и плоть легенду. Любый на побережье знал множество диких и кровавых историй о Конане, искателе приключений. Это был человек, которого никто не мог убить.

Валенсо оправился от шока.

— Что вам здесь надо! — грубо спросил он. — Вы пришли с моря?

— Нет, из леса.

— Жили среди пиктов! — холодно осведомился граф.

В глазах гиганта вспыхнул гнев.

— Даже зингаранец должен знать, что между пиктами и киммерийцами никогда не было мира. — Считая исчерпанным свой разговор с графом, он повернулся к морским разбойникам. — Если я правильно понял, у вас возникли трения из-за какой-то карты!

— Это тебя не касается, — пробурчал Стромбанны.

— Как знать, — усмехнулся Конан и вытащил из кармана измятый клочок пергамента. — Может быть, это то, чего вам не хватает!

Стромбанны словно подбросило:

— Откуда!

— От твоего усопшего Галакуса.

— Собака, — вскричал Стромбанны и повернулся к корсару. — Ты солгал! У тебя не было карты!

— Я и не утверждал, что есть, — бросил Заромо. — Не будь дураком. Конан один, мы отнимем у него карту...

— Узнаю старых друзей! — рассмеялся Конан.

Пират с корсаром, ругаясь, бросились на киммерийца. Конан спокойно отступил на шаг и бросил пергамент в горящий камин... Потом ударом кулака уложил Стромбанны на пол. Заромо выхватил меч, но Конан взмахом сабли выбил его из рук корсара.

— Не пытайтесь звать солдат, — предупредил киммериец графа Валенсо, направив острие клинка ему в грудь. — Карта сгорела — и теперь бессмысленно проливать кровь. Прошу к столу!

Немного поколебавшись, все вновь расселись по местам. Конан остался стоять, глядя сверху вниз.

— Что ты хочешь нам предложить! — спросил Заромо.

— ДРАГОЦЕННОСТИ ТРАНИКОСА!

— Что! — все вскочили.

— Сидеть! — прогремел Конан и ударил по столу саблей.

Все повиновались, побледнев от возбуждения.

— Я нашел их прежде, чем увидел карту. Потому, и смею ее.

Мужчины смотрели на него, жгучая ненависть пылала в их глазах.

— Ты лжешь, — не очень уверенно заметил Заромо.

Конан рассмеялся:

— Спасаясь от пиктов, я нашел сокровища. Сундуки с одеждой и оружием, кучи монет, золотых украшений, и среди них драгоценный камень Тотнекриса, сверкающий, как звезда! Старый Траникос и одиннадцать его людей сидят вокруг стола с драгоценностями. Уже сто лет они неотрывно смотрят на свои сокровища.

Киммериец сел наконец за стол и налил себе вина.

— Обнаружив тайник, я несколько дней отдыхал и залечивал раны. А вчера отправился на запад. Взобравшись на дерево, чтобы осмотреть окрестности, увидел караку Строма, стоящую на якоре. У ручья мне повстречался Галакус — и мы разрешили наш старый спор. О карте я не знал, пока умирающий не попытался проглотить ее. Когда мы нашли его, Стром, я прятался поблизости. Я слышал, как ты, Стром, сказал, что нужно найти Заромо и, убив его, забрать карту.

— Собака! — процедил Заромо.

Стромбанны напрягся.

— Неужели ты думаешь, что я должен быть честен с твоими шакалами, как ты!

Киммериец ухмыльнулся. Он намеренно разжигал раздор между двумя морскими разбойниками.

— Теперь дело обстоит так, — продолжал Конан. — У меня есть сокровища, у Строма — корабль, у Валенсо — провиант. Во имя Крома, я не знаю, что есть, Заромо, у тебя, но во избежание ненужного кровопролития можно в конце концов разделить добычу и на четыре части. Это мое предложение.

Валенсо побледнел, Заромо выругался, а Стромбанны усмехнулся.

— Ты поднимешься на борт пиратов! — спросил Заромо у Конана. — Да он перережет тебе горло прежде, чем берег скроется из виду.

Конан рассмеялся:

— Это головололка о волке, козе и капусте.

— Я не останусь здесь! — глаза Валенсо дико сверкали.

Конан задумчиво посмотрел на него:

— Тогда такой вариант: на корабле плывут Стромбанны, Заромо и граф Валенсо, а я остаюсь полным хозяином форта.

Пот выступил на лице Заромо.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не достигнут суши живыми, если мы доверимся Стромбанны, — сказал он. — А что думаете вы, Валенсо!

— Я должен убраться отсюда! — прошептал граф, вращая пустыми глазами. — И как можно быстрее!

Стромбанны наморщил лоб, удивленный странным поведением графа, и, оскалившись, повернулся к корсару.

— Ну что, Заромо!

— У меня нет выхода. Позволь мне взять с собой трех офицеров и сорок человек команды.

— Тридцать!

— Хорошо.

Договор был заключен.

БЕЛЕЗА ощущала убийственные намерения каждого из них. Ни один не собирался выполнять соглашение, за исключением, может быть, Валенсо. Каждый хотел получить корабль и драгоценности целиком. Но как! Что они собираются предпринять!

— Отведи нас к сокровищам, — потребовал Заромо.

— Потерпи, — осадил его Конан. — Нужно сперва равномерно распределить силы. Вы идете с нами, граф!

— В лес! — Валенсо вздрогнул. — Нет!

— Хорошо. Чтоб никому не было обидно, мы возьмем по пятнадцать человек из каждой банды и пойдём за золотом. Белеза увидела, как Заромо и Стромбани обменялись взглядами, а потом быстро опустили глаза. В плане Конана таилась опасная слабина. Белеза была уверена, что он не вернется из леса живым. Как только киммериец приведет разбойников к сокровищам, его убьют.

— Как далеко идти! — осведомился Стромбани.

— Если выйдем немедленно, к полночи обернемся, — ответил Конан. Затем он обратился к графу: — Валенсо, это вы сошли с ума и убили пикта в охотничьей раскраске!

Валенсо недоуменно заморгал.

— Что вы хотите сказать!

— В лесу на дереве я видел голову пикта без боевой раскраски. Он убит перед штормом. Эта цепочка была обмотана вокруг обрубка шеи, на ней печать Корзетты. Любый пикт догадается, что убийца белый.

Конан бросил что-то на стол перед графом, который придущенно застонал, схватившись за горло.

Конан некоторое время наблюдал за ним с мрачным выражением, потом вопросительно посмотрел на остальных.

Заромо сделал быстрый жест, показывающий, что граф не в своем уме.

— Ну, хорошо, теперь мы можем идти, — сказал киммериец.

В зале остался только Гальбо, ожидая, пока за остальными закроется дверь. Потом от подошел к камину и нагнувшись, разглядывая что-то в очаге. Выпрямившись, Гальбо быстро огляделся и вышел из зала.

— Что он искал! — прошептала Тина.

Белеза пожалла плечами, но любопытство одержало верх, спустившись в пустой зал, она подошла к камину. На углях лежали остатки карты, которую Конан бросил в огонь. На сгоревшем пергаменте виднелись очертания какой-то горы или утеса и группы деревьев на ней...

После бури настала тишина. Солнце пекло немилосердно. Голоса людей в форту звучали приглушенно. Томительная знояная одурь воцарилась и на берегу, где пираты и корсары, вооруженные до зубов, разбили свои лагеря.

Белеза остановилась перед графом, который за столом вертел в руках порванную цепочку. Он жутко изменился, страх, захлестнувший его, стер все человеческие черты с лица.

— Варвар с этими людьми в лесу. При первой возможности Заромо и Стромбани убьют его. Что будет, когда они вернуться с сокровищами! Должны ли мы погрузиться на корабль! Можем ли мы доверить Стромбани!

Валенсо с отсутствующим видом качал головой.

— Стромбани убьет нас, чтобы получить нашу долю сокровищ. У Заромо есть план. Мы взойдем на борт «Красной руки» не как гости, а как хозяева. Заромо позаботится о том, чтобы Стромбани и его люди не вернулись из леса. Незадолго до рассвета я тайно пошлю людей захватить корабль. По возвращении Заромо мы вырежем оставшихся на берегу пиратов, без капитана они станут легкой добычей. Потом, погрузив сокровища, выйдем в море.

— А что будет со мной! — спросила девушка пересохшими губами.

— Я обещаю тебя Заромо, — сурово ответил граф. Он поднял цепочку, блеснувшую в луче солнечного света. — Я, должно быть, потерял ее на берегу, — прошептала Валенсо.

— Нет, — сказала Белеза таким же безжалостным голосом. — Вы сорвали ее с шеи прошлой ночью, когда избивали Тину.

Лицо графа посерело от страха.

— Да! Черный человек! Он был здесь! Охранники не видели его, но ночью он был перед дверью вашей спальни! Я видела его через глазок в двери.

Некоторое время Белезе казалось, что граф умрет от



страха. Цепочка выскользнула из пальцев и упала на пол.

— В главном доме! — прошептал он. — Какой я глупец! Я не смогу защититься или ускользнуть от него! Почему не положить конец этой ужасной игре!

— Я понимаю, — задыхаясь, продолжал Валенсо. — Он играет со мной в кошки-мышки. Убить меня во сне слишком легко и милосердно. Он уничтожил корабль, он убил пикта и обмотал мою цепь вокруг его головы. Но почему! Какого черта он все это затеял! Чего он добивается!

— Кто этот черный чужеземец! — спросила Белеза и почувствовала, как по спине пробежали мурашки.

— В юности у меня был враг, — сказал граф. — Могущественный человек, он вечно стоял на моем пути. Я стал искать помощь у Черной Магии и обратился к колдуну, который вызвал из мрака демона. Демон покончил с моим врагом. Однако я решил обмануть колдуна и не платить обещанного вознаграждения. Этим колдуном был Тот-Амон из Ринга, изгнанный с родины во время царствования короля Мантуфerry. Когда Мантуфerry умер, на трон взошел Ктасфон, но Тот-Амон не вернулся на родину, оставаясь в Кордаве. Вместо того, чтобы отдать обещанную половину состояния, я донес на него своему монарху, и Тот-Амону пришлось спешно вернуться в Стигию. Там он быстро приобрел благосклонность Ктасфона и стал практически править страной.

Два года назад я получил известие, что Тот-Амон исчез из Стигии. И вскоре увидел его дьявольское коричневое лицо в темном углу моего дворца. Это был его дух, посланный, чтобы превратить мою жизнь в ад. Я не мог обратиться за помощью к королю, так как после смерти Федруга страна распалась на два лагеря, и монах оказался во вражеском.

Прежде чем сам Тот-Амон появился во плоти, я бежал в море. Но он выследил меня и в этой глуши.

Глаза Валенсо горели, когда он взглянул в бесконечную даль сквозь окно.

— Но я его перехитрю! — прошептал он. — Завтра под моими ногами будет палуба, и между нами ляжет океан.

— Проклятье!

Конан, взглянув вверх, остановился.

— Что случилось? — подозрительно спросил Стромбани.

— Ты что, слепой! Смотри!

Из густых ветвей, нависших над тропой, скалился череп. Темное раскрашенное лицо, обрамленное пышными волосами, в которые было воткнуто перо птицы-носорога.

— Я сам снял эту голову и спрятал в чаше! — проговорил Конан. — Какой суккин сын повесил ее здесь? Похоже, кто-то пытается наравить пиктов на форт.

Люди мрачно смотрели друг на друга.

Конан взобрался на дерево, взял голову и, отнеся в подлесок, утопил в ручье.

— Я не знаю, как далеко находится племя Птицы-носорога, но для пиктов нет худшего злодеяния, чем убийство одного из них, не носящего боевой раскраски, и вывешивание его головы для пицци стервятникам. Непонятные вещи происходят на этом берегу.

Двигаясь в глубь леса, люди ослабили мечи в ножнах и стрелы в колчанах. Привыкшие к простору моря, они неуютно чувствовали себя в чаше леса. Тропа извивалась змеей, и большинство моряков давно потеряли ориентацию.

Конан выглядел озабоченным. Он снова и снова изучал тропу, пока не пробормотал:

— Кто-то прошел по ней незадолго до нас. Он носит сапоги и не знает леса. Может быть, один из вас, сучьих детей, отправил сюда своего человека!

Стромбани и Заромо горячо отрицали это, с подозрением, однако, поглядывая друг на друга.

Когда тропа повернула на север, Конан покинул ее и стал двигаться в юго-восточном направлении. У капитанов зародилось подозрение. Стромбани прошептал Заромо:

— Как ты думаешь, не ведет ли он нас в западню?

— Все возможно, — ответил корсар. — Но без него мы не найдем не только сокровища, но и обратную дорогу.

— Я понял тебя, — пробормотал пират. — Возможно, мы изменим наши планы.

остановился, глядя на фигуру, скрытую до этого момента дверью. На полу лежал человек с лицом, искаженным агонией.

— Гальбо! — удивленно воскликнул Заромо. — Мертвый! — он осторожно просунул голову в пещеру и быстро отпрянул назад. — В пещере смерть!

Туман начал сгущаться. Конан толкнул четырех человек вперед, но переоценил свои возможности. Заромо и Стромбани упали на колени, лишь наполовину переступив порог, боцман был сбит с ног, а первый офицер ударился о скалу.

Западня не удалась, и Конан должен был защищаться против яростного нападения телохранителя Заромо. Корсар промахнулся по пригнувшемуся киммерийцу, и его меч ударил по стене. Искры посыпались веером. В следующее мгновение голова офицера покатила по полу, отрубленная саблей Конана.

В это мгновение напал поднявшийся на ноги боцман. Клинок ударился о клинок, и оглушительный звон заполнил узкий туннель. Капитаны, до смерти напуганные демоном пещеры, начали приходить в себя.

Конан удвоил усилия, чтобы избавиться от боцмана, прежде чем тому придет подмога. Он теснил пирата, но не успел прикончить его, сба капитана, обнажив мечи, бросились в бой, зовя своих людей.

Киммериец предпочел бегство, чтобы не попасть в руки тридцати разбойников. Выскочив на карниз, он вскарабкался по высеченной в скале лестнице.

Капитаны пробрались через щель в скале. Оба отряда облегченно вздохнули, увидев своих вожаков целыми.

— Собака! — взревел Заромо. — Ты хотел нас убить!

Конан издевательски ответил сверху:

— А вы разве не планировали перерезать мне глотку, как только я покажу вам добычу? Если бы не помешал мертвый Гальбо.

— А что это было! — спросил Стромбани. — Ядовитый газ!

— Нет. Похоже на демона, заключенного в пещеру при помощи магии, — ответил Заромо.

— Ну и что вы собираетесь делать! — насмешливо крикнул Конан сверху.

— Интересный вопрос, — Заромо повернулся к Стромбани.

— Мы не можем войти в пещеру.

— Конечно! — крикнул Конан. — Демон задушит вас.

— Надо подняться наверх и заткнуть ему пасть, — вскрипел Стромбани.

— Не будь дураком! — проворчал Заромо. — Его можно достать только стрелой. Пусть сидит наверху. Нам нужно достать драгоценности. Изготовим крюк и подтянем стол и двери.

— Очень неглупо, Заромо! — насмешливо похвалил Конан. — Но как вы вернетесь назад! Засветло вам до форта не добратся, а я последую за вами и буду убивать в темноте одного за другим.

— Мы убьем тебя здесь, — заскрежетал зубами Заромо. — Почему ты смеешься!

— Смешно слышать угрозы от мертвецов! — крикнул Конан повеселевшим голосом.

Заромо приказал людям подниматься на карниз. Моряки начали карабкаться вверх. Раздался тонкий свист, и один из пиратов упал. Из его спины торчала стрела.

— Пикты! — закричали разбойники.

— В укрытие! — прогремел Заромо. С высоты он увидел раскрашенные фигуры, скрывающиеся в кустарнике.

— Вот теперь ты в ловушке! — лицо Стромбани было бледно, как смерть.

— Конан сказал, что пикты боятся этой скалы, — вспомнил Заромо. — Они не станут штурмовать ее.

— Это так, — с насмешкой ответил Конан. — Но они окрывают скалу и подождут, пока вы не передохнете от голода.

— Что же нам делать! — безнадежно спросил Заромо.

— Заключить с киммерийцем перемирие, — отозвался Стромбани. — Позже мы сможем отправить его к праотцам, — и он крикнул во весь голос. — Конан, забудем на время наши разногласия. Ты в таком же неприятном положении, как и мы. Спускайся и помоги нам.

— Мы плывем в разных лодках, — крикнул в ответ киммериец. — Я могу дожидаться темноты и спокойно уйти от пиктов. А вернувшись в форт, сказать, что вас убили дикари, — это будет чистая правда.

ЧЕМ дальше они продвигались, тем больше росло их недоверие, и они были готовы удариться в панику, когда лес кончился и прямо перед ними появилась голая скала. Едва заметная тропка вилась среди каменных обломков и поднималась к карнизу.

— Эта тропа ведет к пещере, — сказал Конан. — В ней сидит мертвый Траникос. Но учтите: если вы убьете меня, обратного пути вам не найти. Вы — моряки и в глухом лесу беспомощны. Кроме того, племя Птицы-носорога скоро узнает об убийстве, и лес станет кладбищем для любого белого.

Он улыбнулся зловещей улыбкой, и капитаны поняли, что киммериец видит их насквозь.

— Кроме Стромбани и Заромо, все остаются здесь, — повелел Конан морякам.

Стромбани насмешливо улыбнулся:

— Ты считаешь меня дураком! Я возьму еще одного человека, — и указал на боцмана, мускулистого, как Заромо.

— Не возражаю, — сказал Конан. — Следуйте за мной!

Протиснувшись за Конаном в скальную щель, они увидели окованные железом сундуки.

— Здесь тоже довольно ценные вещи, — сказал Конан равнодушно, — но основное сокровище находится за дверью.

Разбойники заглянули в пещеру. Она была освещена странным голубым светом, и под ее сводами мерцал клубящийся туман. За огромным черным столом сидели легендарные фигуры членов Братства Траникоса. Мощная голова самого Траникоса опустилась на грудь, рука еще сжимала искрустированный драгоценными камнями бокал. Голубоватое сияние окружало двенадцать неподвижных фигур странно беспokoящихся светом.

Лица Заромо и Стромбани в этом свете казались безжизненными.

— Идите и возьмите драгоценности, — пробурчал Конан, Заромо пинком ноги распахнул дверь и, ступив на порог,

Стромбани и Заромо переглянулись.

— Но я этого не сделаю, — продолжал Конан. — Я не могу позволить дикарям убивать белых людей, как скот. Слушайте внимательно. Это только передовой отряд, основные силы пиктов на подходе. Я слушаю с другой стороны и заиду им в тыл. По моему сигналу нападаем с двух сторон.

— А сокровища!

— Спят от страха! Можешь считать счастьем, если твой дырявый котелок останется на плечах.

Стромбани, Заромо и боцман стали осторожно спускаться по тропе к своим людям. Вокруг них засвистели стрелы. Боцман охнул и покотился вниз, древко стрелы торчало в его груди.

— Не бросит ли Конан нас здесь? — подал голос Заромо.

— В этом можно ему поверить, — сказал Стромбани. — У Конана свой кодекс чести. Он поможет уйти от пиктов, даже если думает расправиться с нами.

Леденящий кровь крик разорвал тишину.

— Сигнал Конана! — прогремел Стромбани, и моряки волюн покотились к лесу.

Разбойники проломались через подлесок и набросились на засевших в кустах дикарей. Некоторое время слышалось тяжелое дыхание дерущихся людей. Сабли и мечи ударились о боевые топоры. Сапоги топтали голые тела, уцелевшие дикари ударились в паническое бегство. Из леса появился Конан, он потерял шляпу, плащ был изорван, а с сабли стекала кровь.

— Что теперь! — спросил Заромо. Он дико выругался, когда Конан добил одного из корсаров, лежащего на земле с раздробленной ногой.

— Мы не можем тащить его, — объяснил Конан.



С ОЛНЦЕ коснулось воли океана. Тина стояла у окна. — Заход превратил море в кровь, — произнесла она.

— Что делают моряки на берегу! — устало спросила Белеза.

— Готовятся к ужину, — ответила Тина. — Но что это! Слушайте! Словно воеет множество волков.

Беспокойство в голосе девочки встревожило Белезу.

— Волков! В это время года волки не ходят стаями!

— Смотрите! — закричала девочка. — Из леса бегут люди!

Белеза была уже у окна.

— Морские грабители! — воскликнула она. — Они возвращаются с пустыми руками!

— Конан с ними! — прошептала Тина.

Белеза отрицательно покачала головой.

От леса катился дикий вой. Он подгонял измученных людей.

— Пикты!!!

Разбойники, ужинавшие на берегу, бросили еду и помчались к палисаду.

Белеза, выбежавшая из главного дома, остановила Заромо.

— Где Конан!

Корсар указал на лес. Его грудь вздымалась и опадала. Пот стекал по лицу.

— Смотрите! — крикнул один из пиратов.

Из леса выбежал человек и помчался к форту.

— Конан! — по-волчьи оскалится Заромо. — Теперь мы можем спокойно пристрелить его.

— Нет! — возразил Стромбани. — Нам еще пригодится его сабля. Смотри сам.

Следом за мчащимся во весь дух киммерийцем из леса выпала дикая орда — сотни и сотни голых пиктов. Их стрелы жужжали вокруг Конана.

— Остановите их! — проревел киммериец.

Пираты, корсары и солдаты повиновались, и град стрел ударил в приближающуюся толпу.

Увидев Белезу, в руку которой вцепилась Тина, Конан сказал не терпящим возражений тоном:

— Марш в дом!

Начинало смеркаться.

— Несите факелы! — командовал Конан. — В темноте мы не сможем сражаться с ними.

Люди, находящиеся на караке, подняли якорь, и «Красная рука», набирая скорость, устремилась в море.

Опустилась ночь, и только факелы слабо освещали суматошную сцену боя. Раскрашенные, обнаженные дикари, как

волны прибое, накатывались на палисад.

— Они как бешеные! — пыхтел Заромо, отбывая цепляющиеся за колья палисада руки.

— Если мы удержим форт до утра, они потеряют мужество, — проверчал Конан и точным ударом размогил раскрашенную голову.

Волна пиктов откатилась вновь. Люди на брусчатке смехнули пот с лица. Дикари отпрянули за освещенной факелами просторностью.

— Они ушли! — спросил Стромбани. Сабля в его руке была зазубрена.

— Нет, они поблизости, — ответил Конан.

— Все равно мы сражались четыре часа, не имея возможности отдохнуть и подкрепиться. Надо установить охрану и дать передышку людям. Эй, Валенсо, как у вас дела!

Граф в помятых, забрызганных кровью латах подошел к Конану и капитанам. Внезапно из темноты раздались громкий и четкий голос:

— Граф Валенсо! Граф Валенсо из Корзетты! Слышите меня!

Конан услышал, как граф застонал, лицо его стало пепельно-серым. Голос продолжил:

— Это я, Тэт-Амон из Ринга! Вы зря надеялись ускользнуть от меня. Сегодня ночью я пошлю вам посланца-демона, охраняющего сокровища Траникоса! Ваша смерть будет медленной и мучительной!

Валенсо громко вскрикнул и бросился к главному дому.

Тина, стоя у окна, наблюдала за происходящим во дворе.

Белеза читала письмо, принесенное служанкой.

«Доргая племняница!

Мой конец близок. Я примирился с ним, хоть это далось нелегко. Я пытался использовать тебя для своих целей, что несовместимо с честью графа из Корзетты. Сейчас поздно казнить за это, надеюсь, ты не будешь судить меня жестоко. Молись Митре за грешную душу твоего дяди. И последнее — оставайся подальше от банкетного зала.

Будь счастлива!».

Белеза посмотрела на домики, в которых жили слуги. Ей показалось, что за ними мелькнула призрачная фигура.

Заметили ее и во дворе дома. Вытащив саблю, Конан двинулся к палисаду. В проходе, между домами и стеной, лежала скорчившаяся фигура.

— Бракус! — Стромбанин опустился возле него на колени. — О, Митра! Его горло перерезано от уха до уха!

— Интересно, кто это сделал! — сам себя спросил Конан.

— Заромо! — зашипев, как дикая кошка, Стромбанин вскочил. — Он послал своих собак убить моего человека!

— Подожди! — Конан схватил его за руку. — Не думаю, что Заромо...

Возбужденный пират вырвался и, ругаясь, побежал к костру, у которого корсар пил пиво.

Удивление Заромо было неподдельным, когда кружку выбили из его рук, и содержимое, пенясь, потекло по нагрудному панцирю.

— Проклятая собака! Убийца! — ревел Стромбанин. — Ты убиваешь в спину моих людей, защищающих твою поганую шкуру!

О КРУЖАЮЩИЕ быстро среагировали на происшедшее. Пираты и корсары, выхватив оружие, бросились друг на друга. Возникла ужасная неразбериха. Оказались втянутыми в бой часть солдат и слуг графа. Затаившийся снаружи враг был начисто забыт в этой кутерьме. С трудом Конан успел добраться до обезумевших от ненависти капитанов. Не обращая внимания на мечи, он с силой оттолкнул их друг от друга. Стромбанин и Заромо кипели от ярости.

— Смотрите вы, идиоты, — проревел Конан и указал саблей на корсара, стоящего на бруствере. Человек зашатался, взмахнул руками и упал. Меж лопаток торчало древно черной стрелы.

Раздались дикие крики и удары в ворота. Плающие стрелы полетели через палисад. За домиками замелькали черные фигуры.

— Пикты в форте! — загремел Конан.

Разразился ад. Часть людей бросилась на бруствер, остальные отражали нападение пиктов, пробравшихся внутрь.

Заромо упал с разбитой головой. Конан с группой моряков сражался в форте. Стромбанин с частью своих людей защищал палисад.

Все больше пиктов перебиралось во двор через незащищенную часть палисада.

Забрызганные кровью дикари с ревом врывались в домики. И-шуму битвы добавились стоны и крики умирающих под ударами топоров женщин и детей.

— Все к главному дому! — проревел Конан.

Дюжина людей, сомкнувшись вокруг него, начала пробивать себе путь.

Стромбанин, сражавшийся рядом, крикнул:

— Мы не можем его удержать!

— Почему! — Конан бросил быстрый взгляд на пирата.

— Потому что ... о-о-о! — пиктский нож глубоко вонзился в спину пирата. Стромбанин упал на колени. — Потому что его сожгут! — и он рухнул на землю.

Конан быстро осмотрелся. Он находился недалеко от южной стены, перебравшись через которую можно исчезнуть в ночи. Но Конан помнил о беспомощных девушках.

Из банкетного зала валил дым. Где-то исторически всхлипывала женщина.

Конан вошел в зал. На полу валялся серебряный светильник. Комнату освещал камин и языки пламени, лижущие балки перекрытия. При этом зловещем освещении Конан увидел графа Валексо, повесившегося на балке. Лицо мертвеца было искажено до неузнаваемости.

Сквозь дым виднелась еще одна — ужасная черная фигура, поднимающаяся перед камином. Очертания были почти человеческими, но тени она не отбрасывала.

— Кром! — выругался Конан. — Его не убить и метом!

Он увидел у подножия лестницы Белезу и вцепившуюся в нее Тину.

Черное чудовище выпрямилось и начало приближаться. Конан увидел близко растущие рога, огромную пасть и стоящие торчком уши. В киммерийце начали просыпаться спасительные воспоминания.

— Серебро и огни! — крикнул Конан. Схватив массивный серебряный подсвечник, он изо всей силы запустил им в демона, сшиб с ног и отбросил в огонь камина. Ужасный рев потряс зал, рев существа из ада, погибающего на земле.

Когда Конан подбежал к лестнице, ее уже лизало пламя. Осмотревшись, киммериец бросился к боковой двери, держа Тину под мышкой и волоча за собой Белезу. Едва они выскочили из банкетного зала, как за их спиной рухнул потолок.

Подбежав к брустверу, Конан помог девушкам перебраться через препятствие, когда мгновение спустя на палисад взобрались пикты, они увидели пустой песок и молчащую тьму.

Утро тронуло воду легким дуновением бриза. Далеко в море виднелось белое пятно — парус корабля. Конан держал над костром, сложенным из сырых веток, разорванный плащ. Когда он убирал плащ, вверх поднимались клубы дыма.

Белеза, обняв Тину, сидела неподалеку.

— Вы думаете, что корсары увидят и поймут эти знаки! — спросила она.

— Это сигнал моряков. Их осталось мало, и они плохо разбираются в навигации. Они будут счастливы, если я приеду на себя командование кораблем.

— А если этот сигнал увидят пикты! — спросила Белеза, содрогнувшись.

— Это невозможно. Я ходил на разведку и видел, как они выкатывали бочки с пивом. Сейчас там все вдрызг пьяны. Кром и Митра! — внезапно проревел он. — Это не «Красная рука», а военная галера!

Конан внимательно всматривался в приближавшийся корабль.

— Ну, ладно, — сказал он, — в любом случае они возьмут нас на борт. Прошу вас не говорить им, кто я такой. Пока они пристанут, я придумаю достоверную историю.

Конан вернулся Белезе плащи и потянулся, как дикая кошка. Девушки восхищенно смотрели на киммерийца — ночь огня и крови, казалось, ничем не повредила ему.

Белеза больше не боялась киммерийца. В его присутствии она чувствовала себя в безопасности.

— Я слышала, что вы были в Аквилонии генералом, но потом вынуждены были бежать. Расскажите, пожалуйста, об этом.

Конан усмехнулся.

— Я не должен был доверять Нумедидесу. Он сделал меня генералом, а потом, когда я одержал несколько крупных побед, заточил в башню.

— За что!

Конан пожал плечами.

— Кто знает, что забредет в голову тупоумному королю. К счастью, у меня были друзья, которые помогли бежать. О, великий Кром, похоже эта галера из Понтиана. Идемте!

Он повел девушек вниз, к прибрежной полосе. Галера, не выслав шлюпки, сама ткнулась носом в песок. Когда люди с корабля спрыгнули на берег, Конан воскликнул:

— Простеро! Тракеро!

— Конан! — закричали ему в ответ и бросились обнимать киммерийца. Говорили все одновременно, и Белеза ничего не могла понять, тем более, что разговор шел на аквилонском языке, которого она не знала. Человек, которого Конан назвал Тракеро, был графом Понтии.

— Что вы здесь делаете! — спросил Конан.

— Приплыли за тобой, — ответил Простеро. Указав на четырех человек в одежде священников Митры, он пояснил: — Дексидеус при помощи магического искусства нашел тебя.

Человек, одетый в черное, с достоинством поклонился: — Ваша судьба связана с Аквилонией, Конан из Киммерии.

— Я чего-то недопонимаю, — пробормотал Конан.

Тракеро серьезно посмотрел на него.

— Мы порвали с Нумедидесом. Восставшим нужен генерал.

Конан рассмеялся.

— Как хорошо, что есть кто-то, кто может оценить мои достоинства. Я согласен, друзья! — Затем Конан повернулся в сторону Белезы. — Господа, разрешите представить вам леди Белезу из Корзетты, — и обратился к ней на ее языке. — Мы можем отвести вас назад, в Зингару, но что вы будете там делать!

Белеза беспомощно пожала плечами:

— Я не знаю.

Конан вынул из пояса маленький кожаный мешочек.

— Здесь есть пара камешков, которые обеспечат вам приличное существование.

— Я не могу принять этого... — запротестовала девушка.

— Вы возьмете, — Конан вложил мешочек ей в руку. —

Я не могу бросить вас на произвол судьбы.

— А как же вы!

Конан улыбнулся и указал на аквилонцев.

— Они — это все, что мне нужно.

Тут вмешался Просперо.

— Ваша щедрость делает вам честь, но мне бы хотелось, чтобы вы сначала посоветовались со мной. Революция стоит дорого.

— Ха! — рассмеялся Конан. — Я дам вам много золота и драгоценностей, — и он рассказал собравшимся о сокровищах Траникоса.

Все торжествовали так громко, что Белеза испугалась, что шум привлечет пиктов. Конан лукаво улыбнулся ей и тихонько сказал:

— Как вам нравится такое словосочетание: король Конан! Неплохо звучит, а!

Пер. Ники и Сергея Ежовых.

Вениамин КАН

СОЗДАТЕЛЬ КОНАНА

Любители фантастической литературы обычно аббревируют его имя по первым буквам (как ЗАГС или ГАИ) — РЕН. Лишь еще два «фантастических» автора удостоились такой чести: Эдгар Райс Берроуз, «отец» Тарзана и «марсианина» Джона Картера, — ERB; да Говард Филлипс Лавкрафт — HPL. В этом ряду Роберт Эрвин Говард — классик западной фантастики.

Он родился в 1906 году в маленьком городке Пистере в штате Техас. Певец приключений и путешествий, за всю свою жизнь Говард совершил один-единственный переезд. В возрасте 13 лет он переехал из своего родного городка в местечко Кросс Плайс, в том же штате, где и прожил до самой смерти. По характеру Роберт Говард был человеком «книжным», замкнутым, мягким (один из биографов даже называл Говарда эмоционально нестойким). Узнав о неминуемой кончине своей матери, он застрелился. Это произошло 11 июня 1926 года. Ему было только тридцать лет. За свою короткую жизнь Говард успел сделать очень много. Он начал писать в 15 лет, первый его рассказ «Копье и чепуха» был опубликован, когда автору было всего 19. За последующие 11 лет литературной деятельности он создал несколько циклов фантастических рассказов, написал множество детективных, приключенческих произведений, его перу принадлежат также вестерны, псевдоисторические сочинения и рассказы ужасов. Многие остались в рукописях, опубликованных позднее его друзьями и душеприказчиками Спрэг де Кампом, Лином Картером, Бьорном Ньюбергом. Они дорабатывали не законченные Говардом вещи, вносили поправки в уже опубликованные, а подчас, используя говардских героев и, как они выражались, «общую атмосферу» его рассказов, создавали новые литературные произведения.

Надо сказать, атмосфера была действительно захватывающей. Необщительный, стеснительный человек (хотя с внешностью ковбоя или шерифа), Роберт Говард любил людей энергичных, подвижных, действующих, искал своих героев среди рыцарей, борцов, солдат, авантюристов. Из гигантского количества говардских персонажей самым популярным является, пожалуй, легендарный Конан.

Образ выходца из Киммерии (придуманной автором страны, которую не следует путать с древним Крымом), воина, человека колоссальной силы и не менее колоссальной изворотливости, соединившего, в себе качества рыцаря и пирата, убийцы и великодушного изгнателя, властолюбца и бесребреника, благодаря своей неоднозначности, непредсказуемости в поступках — и вместе с тем блестящей «прописанности», синтезирует черты

лучших говардских героев, укрупненно и зримо представляет их.

При жизни Говарда вышло 17 рассказов о Конане. Еще четыре были опубликованы посмертно. Конан пришелся читателям по вкусу, и издательство «Гнум», специализировавшееся на фантастике, выпустило весь цикл в пяти книгах («Приход Конана», «Конан-варвар», «Меч Конана», «Конан-король» и «Конан-победитель»). Б. Ньюберг и Л. Спрэг де Камп написали продолжение — «Возвращение Конана».

Кроме этих писателей, в дело «канонизации» образа Конана свой вклад внес еще один видный американский автор — Лин Картер. Таким образом, составилась целая серия произведений, объединенный фигурой Конана. Серил неоднократно переиздавался и переиздается до сих пор. И это при достаточно сдержанных отзывах относительно «качества» вещей самого Говарда и его произведений.

Безусловно, Говард принадлежит к так называемой «массовой культуре». В нашей стране этот термин чуть ли не ругательство. Вместе с тем нужно признать, что в «массовой культуре» со всей «массовостью» есть и элемент «культуры». Если объективно существует читатель, которому интересны вещи, пусть не очень глубокие, зато динамичные, постоянно держащие в напряжении, значит, такие вещи должны быть. Отмахиваться от этого было бы просто неразумно. Легкое развлекательное чтение, сработанное сравнительно умело, профессионально, а тем более богатое причудливыми выдумками, фантазией, эксцентрикой, точно так же нужно словесности, как и серьезная литература.

Теперь коротко о содержании цикла. Действие разворачивается примерно за 12 000 лет до нашего времени, в «гнборейскую» эпоху, когда на Земле существовала цивилизация, несколько напоминающая средневековую, и люди умели колдовать. Сам Конан вышел из бедной семьи. Он был пиратом, наемным солдатом, полководцем и, претерпев множество приключений, стал, наконец, королем (хотя и строгим, но «хорошим»). Он справедлив, верен в дружбе и любви, всегда готов помочь слабым. Он стоит за «порядок». Одно из его высказываний весьма характерно: «Я заметил, что люди, которые производят революцию, гораздо хуже тех, кого они свергают». Как сторонник «твердых» режимов, Конан считает, что излишняя «цивилизованность» приводит к вырождению, трусости, лукавству и фальши. Несмотря на свое пиратское и разбойничье прошлое, он старается бороться (и делает это довольно успешно) против узурпаторских и коррумпированных режимов. Он, конечно, не «чистый» Робин Гуд, но что-то общее у

них есть. Симпатичен сам финал цикла. Став королем, вроде бы добившись желаемого, Конач вскоре передает корону сыну и отправляется на поиски новых приключений.

Из других произведений Говарда заслуживают упоминания рассказы о короле Атлантиды Кулле и навеянный кельскими сказаниями цикл «Бран Мак Морн» (другое название «Черви Земли»).

Значительный интерес представляют новеллы о религиозном фанатике борце за справедливость Соломоне Кейне, настоящем рыцаре в лучшем смысле этого слова и неустранимом бойце. Его стремление любой ценой бороться «за правое дело» часто ставит этого героя в критическое положение, но его несгибаемая вера и уверенность в торжестве справедливости приводят в конце концов к победе.

Произведения Говарда, конечно, соприкасаются с научной фантастикой, но в большей степени относятся к жанру «фэнтези», точнее к его разновидности, именуемой «Шпага и волшебство».

Говард считается одним из основателей этого жанра (опять же наряду с Э. Р. Берроузом — «Тарзан», «Марсианская» серия).

Нет необходимости распространяться об особенностях «Шпаги и волшебства», повесть «Волки по ту сторону границы» — характерный пример произведений этого порядка. Налицо запутанный сюжет, несколько переплетающихся интриг, быстрая смена действия, лишь намеченный быт, крупно взятые характеры и, конечно, собственно «шпаги» и «волшебство». Вот главные признаки жанра.

К чисто научно-фантастическим произведениям Говарда относится только один его роман — «Эльмарик». Он напоминает «марсианские» романы Берроуза и рассказывает о приключениях человека, землянина, перенесенного на далекую планету и помогающего ее обитателям бороться с крылатыми врагами.

Посвященные судьбе Говарда и его творчеству, особенно типа «Шпаги и волшебства», на Западе выходят статьи и книги. По произведениям Говарда осущаются комиксы и снимаются фильмы. В нашей стране его творчество практически неизвестно. Публикация в «Пис» повести «Волки по ту сторону границы», конечно, не в состоянии заполнить этот пробел, но все же, думается, может дать некоторое представление о творчестве Роберта Эрвина Говарда, писателя, стоящего у истоков современной англоязычной фантастики.



**НУ ЧТО ОПЕШИЛ-ТО?
НЕССИ, ЧТО ЛИ, НЕ ВИДЕЛ?**

Рис. В. СТАРАДЫМОВА.

Роберт БЕРНС

Макферсон перед казнью

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

Привет вам, тюрьмы короля,
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков —
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,
Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

В основу стихотворения великого шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796) положена песня, по легенде, сочиненная шотландским вояком и пиратом Макферсоном за несколько дней перед казнью (1700). Рассказывают, что Макферсон, будучи неплохим скрипачом, когда шел к виселице, распевал сочиненную им песню, приплясывая и аккомпанируя себе на скрипке. Кроме того, легенда рисует Макферсона человеком огромного роста, необычайной физической силы и отчаянной храбрости.

ЗВЕЗДНОЕ УТЯТА

рис. С. Ашмарина



-Хэлло! Нам сказали,
что тут шлёпнулся
самолет!



-НЕ-Е...

Появилась
МИССИС ОЛСОП.

-НЕ-Е...

-Тронутые
какие-то...



-Самолет, говорю,
упал на ваше поле!



-А...Так у него и
крыльев-то нету. да
и сверху ничег
не вертится...



...в сарае
лежит.



-Как, по-вашему,
на звездах с утятами
получше дело, чем
с цыплятами?



-Заедает...

-Старики совсем
спятили...О...





-Мистер Олсон, вы долго возились с этой посудиною?



-Это же не курятник сколотить! В ней одни наши знакомые прилетели.



Ай!

-Это у них стена такая, от мальчишек.



А где они?



-В доме. Только трудно понять их.



РУССКИЕ!?



-Что вы? Они же без этих... как их... лаптей...
...Шесть лет назад они уже были у нас - за куриными яйцами прилетали, а в дороге яйца-то протухли... Ну, вот, они снова-сюда.



-Я им инкубатор соорудил: они летят, цыплята бегают.

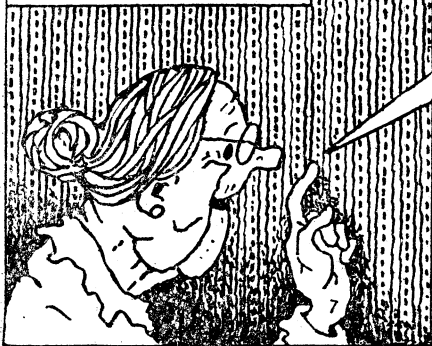


Рафферти, чтобы не упасть, оперся о косяк



-Мистер Рафферти, вот те люди, которые прилетели в барике!

Миссис Олсон
подняла палец.



-Это репортер из
газеты. Он приехал
посмотреть, на чем
вы летаете.



Существа вежливо кивнули.

-Это или фокус,
или я пьян,
или спятил сам!

-А как
их зовут?

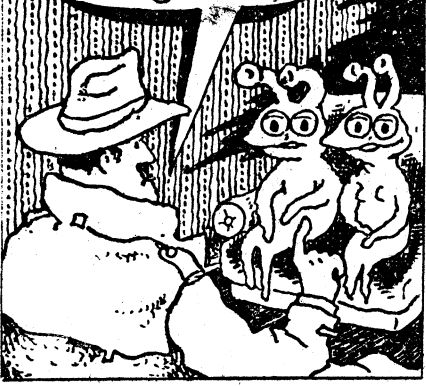


-Они разговаривают в
нашей голове картин-
ками; так вот, они ~
Люди-Которые-Куют-
Железо.



-Если хотите
поговорить, то
поднимите
палец.

-Откуда вы..?



Мозг Рафферти
словно скрутило.



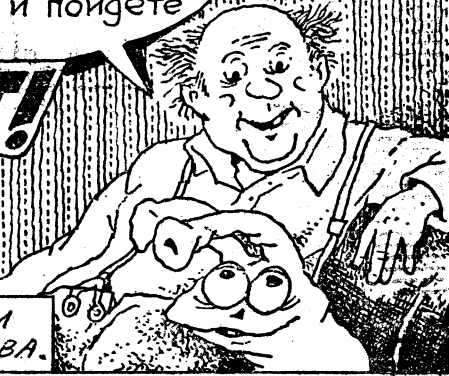
-Это же
сенсация!
Где у вас
телефон?!



-А у нас его и нет... Да и гости
домой собираются, вот и пойдёте
вместе...

НЕТ!
НЕТ!
НЕТ!

Для отъезда нужен был
момент лунного прилива.



-Опять скажут, что
я нализался...

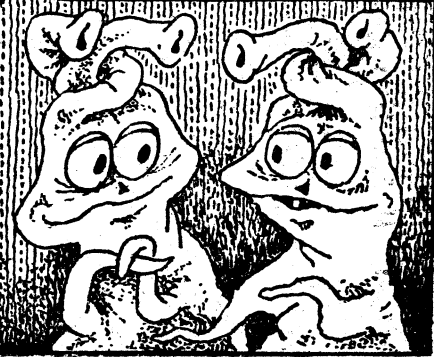


-Где-то был...

-Ну, хоть какой
фотоаппарат?!!



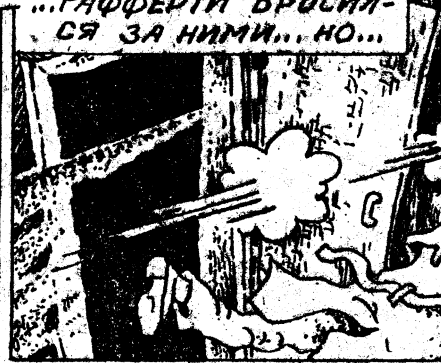
Пришельцы свернули
вдруг свои антенны.



Они заметались по комнате
и выскочили в дверь...



...РАФФЕРТИ БРОСИ-
СЯ ЗА НИМИ... НО...



-СТОЙТЕ!



... СПОТКНУЛСЯ ...

-Люди-Которые-Куют...
Кузнецы?..то есть Смит?..



-Шесть лет назад они
оставили взамен яйца утят,
привезённые из дома...

-Какие яйца?!



...в форме звезды.
Выпелись вегетотики,
похожие на ласточек, и с
шестью ногами.
Выжило двое.

-Ну?!



-Съели мы их, а
кости собаке дали...



-А собака сдохла давно.



-Куда же вы, мистер?
Я фотоаппарат нашёл!



НИКОЛАЙ ОРЕХОВ СЕРГЕЙ ОРЕХОВ

ПРЕМЬЕРА

В 1981 году «Уральский следопыт» при поддержке Союза писателей РСФСР учредил «Аэлиту» — первую в нашей стране литературную премию в области фантастики. Ее лауреатами стали тогда Аркадий и Борис Стругацкие, Александр Казанцев.

В последующие годы эта премия присуждалась Зиновию Юрьеву, Владиславу Крапивину, Сергею Снегову, Сергею Павлову, Ольге Ларионовой, Виктору Колупаеву, Северу Гансовскому. В мае нынешнего года к лауреатам «Аэлиты» присоединился Олег Корабельников, автор трилогии «К востоку от полночи»...

Учреждая свою премию, мы думали, пожалуй, лишь о том, чтобы как-то поумерить стародавнюю несправедливость в отношении фантастики. Литературу эту читают и любят миллионы, официально же она словно и не существует: нет у нее ни своих издательств, ни своих журналов, ни, наконец, наград, которыми поощрялись бы достижения... Вот это последнее мы и попытались выправить хотя бы частично, добавив со временем к «Аэлите» еще два своих приза — имени И. А. Ефремова (за вклад в развитие советской фантастики) и «Старт» (за лучшую первую книгу).

Но фантастика — все-таки и впрямь особый вид литературы!

Вырывая читателя из пут повседневности и властно увлекая его в яркие

миры воображения (за что ей — это литературе-то «смелой мечты!» — не раз и очень крепко доставалось в прошлом от ревностных блюстителей соцреализма), для кого-то она, быть может, и в самом деле становится желанным убежищем от дискомфорта действительности. Однако читателя активного, мыслящего она неизбежно наталкивает (и вот этого старательно не замечали критики-ортодоксы!) на серьезнейшие раздумья о будущем Земли и человечества, о путях к этому будущему, а значит, о самом насущном: как сделать, чтобы человеку — не на словах! — жилось с каждым днем лучше — или хотя бы не хуже, чем вчера!!

А раздумья о будущем неизбежно же выводят человека активного на поиски оппонентов и единомышленников — оттого-то и возникают массово клубы любителей фантастики. Оттого же и они, эти КЛФ, целеустремленно ищут общения между собой: боязнь заикнуться, угроза коллапса не позволяет им замыкаться в рамках собственной крохотной общности.

И, собственно, оттого же и вручение «Аэлиты» превращается всякий раз в праздник фантастики, вовлекающий в свою орбиту отнюдь не только свердловчан. В нынешнем году, к примеру, на наши торжества приехали 547 человек из 124 городов и поселков — от Петро-

павловска, что на Камчатке, до Львова и от Мурманска до Тбилиси и Баку. Вся страна — включая и «полузаграничную Прибалтику! Плюс гости из Болгарии, Польши...

Все это превращение наших празднеств во всесоюзные фестивали, конечно же, трудно было предвидеть десять лет назад.

Массу хлопот приносит нам всегда «Аэлита», связанных не только с размещением гостей и разнообразными материальными сложностями. Главной в наших фестивалях — общение. С писателями, между собой. И не только праздничное (с карнавалом и иными развлечениями). В два-три «аэлитских» дня мы ухитряемся вбить заседания едва ли не десятка вполне серьезных секций. Фантастиковедение, обмен опытом, фанпресса, детская секция, библиографическая... Но, бесспорно, по объему работы ни одна из них не сравнится с семинаром начинающих авторов, которым уже три года руководит Сергей Казанцев, отв. секретарь «Уральского следопыта».

Вот и во время «Аэлиты-90» прочитаны и обсуждены рукописи 22 (!) авторов. Кое-что рекомендовано семинаром для публикации в журнале, целая группа рассказов отобрана для «ПиФса» — два из них печатаются в этом номере...

Виталий БУГАЮВ.

В ТОМ, что стоявший перед ним парень в двери не входил, Сухачев Павел Леонидович готов был покланяться креслом директора Дворца культуры, в котором сейчас сидел. Дверь кабинета просто невозможно было бесшумно ни открыть, ни закрыть — уж очень громко щелкал фиксатор замка, предательски оповещая работников соседних кабинетов о том, когда директор вышел, когда зашел. Как давно посетитель находился в кабинете, Павел Леонидович тоже сказать не мог, поскольку лишь откинувшись на спинку кресла, увидел его, стоящего сбоку, между столом и книжным шкафом. Это был долговязый парень, лет около тридцати, небритый и стриженный под «ежик». В неопределенного цвета старых, расклеванных брюках; из-под лоснящегося, всящего мешком пиджака выглядывала линиялая синяя олимпийка со сломанным замком «молния».

Павел Леонидович, не скрывая неудовольствия, поморщился. Посетитель был явно нехвата. Две недели назад Дворец культуры остался без кинемехаников. Нсвыз найти пока не удалось. Срывались планы по показу кинофильмов. Дворец культуры нес убытки самое страшное — срывалась премьера «Глыбы», еще месяц назад обещанная расклеенными по всему поселку афишами. Фильм был фантастический, и билеты расходились неплохо. С минуты на минуту должен появиться Попрелов — главный режиссер постановщик филь-

ма, и разговора с ним Сухачев боялся больше всего, а тут еще посетитель.

— Вы по какому вопросу? — спросил Павел Леонидович, собираясь при любом ответе выпроводить гостя, сославшись на занятость.

— У вас затруднения с премьерой фильма! У вас нет кинемеханика! Я мог бы предложить свои услуги, — сказал тот.

— Вы кинемеханик? — почти воскликнул Сухачев.

— Правильнее будет сказать — инженер по кино. — Долговязый сделал неопределенный жест руками. — Вам нужна моя помощь!

— Да! Нам нужен инженер по кино, — с трудом сохраняя внешнее спокойствие, ответил Сухачев. Он было готов подпрыгнуть в кресле и даже расцеловать этого парня. Но должность обязывала сдерживать себя. — Документы принесли!

— Да, конечно.

В руках у парня появились какие-то бумаги. Он хотел еще что-то сказать, но тут дверь шумно распахнулась, и в кабинет хрюстя черной кожей пиджака, ворвался режиссер Попрелов.

— Павел Леонидович! Дорогуша моя! — завопил он прямо с порога. — Я пять лет снимал этот фильм! Я три года ждал его премьеры! — Он рухнул на стул и, как-то сразу

обмякнув, простонал: — И что я узнаю! Все срывается из-за того, что в этом... — Попрелов воздел руки к потолку, — светлом храме культуры нет киномеханика. Ну неужели ничего...

— Успокойтесь, премьера состоится. — Сухачев старался говорить спокойно, словно для него такой проблемы не существовало. — Киномеханик есть — вот он. — Павел Леонидович повернулся к посетителю, а сам продолжал наблюдать за режиссером, желая узнать, какова будет его реакция. Лицо Попрелова превратилось в одну огромную улыбку.

— Здорово! Чудесно! Прекрасно! Киномеханик, да! — Я инженер по кино, — сухо ответил тот. Попрелов переметнулся к Сухачеву и начал трясти его руку. — Выручил! Спас! Молодец! Я в долгу не останусь. Приглашаю на премьеру! Я побежал! До завтра!

Оставшись с Долговязым наедине, Сухачев соображал, как себя вести. Безусловно, киномеханик нужен ему сейчас как воздух, но Павла Леонидовича раздражал внешний вид спасителя и невыясненный способ его появления в кабинете.

Долговязый опять сделал свой странный неопределенный жест руками и хотел что-то сказать.

— Значит, так, — перебил его Сухачев, — сейчас идите в операторскую, готовьтесь к вечернему сеансу. Коробки с «Преступлением и наказанием» уже привезли. Завтра, на детский сеанс, опять покажете «Преступление», а в обед премьеру фильма «Глыба!» Я сначала хочу поглядеть, как вы работаете. Все. Можете идти.

Долговязый стоял, переминаясь с ноги на ногу. — Я же сказал, можете идти, — повторил Сухачев как можно строже. — Потом поговорим.

Долговязый вышел из кабинета. Вышел так же, как перед ним и Попрелов, через дверь, и дверь с громким щелчком открылась и закрылась.

«Пора в отпуск», — устало вздохнул Павел Леонидович, позвонив в кассу, предупредил, чтобы сняли объявление об отмене вечернего сеанса.

В 19.05 Сухачев решил посмотреть, как обстоят дела с фильмом, и зашел в зрительный зал. В зале горел полный свет. Человек тридцать, пришедших на вечерний сеанс, громко возмущались, клятвою обещая никогда не ходить в этот «дурдом».

Словно из-под земли появилась контролерша Дарья Степановна.

— Павел Леонидович! — закричала она. — Пять минут звонки даю! Давно пора начинать! Он что у нас!..

В этот момент на сцене перед экраном появился Долговязый, встал, уперев руки в бока, и заявил в зал:

— Ну и что вы возмущаетесь! Зал притих. Павел Леонидович и Дарья Степановна растерянно переглянулись.

— Что вы на меня смотрите! — продолжал Долговязый. — Я же киномеханик, а инженер по кино... Аппаратура допотопная, пока наладишь. Не надо возмущаться. Сейчас пойду, скажу, чтобы кино включали. — И ушел за экран.

«Циркач!» — восхищенно подумал Сухачев.

— О ком он говорит! — спросила контролерша. — Он же один. Кому он пойдет и скажет!

— Циркач! — сказал вслух Павел Леонидович. В эту минуту свет погас, и на экране пошли титры.

«Он что, по воздуху летает!» — успел подумать Сухачев и ойкнул: со звуком творилось что-то невообразимое. Зрители разразились проклятиями и свистом. Павел Леонидович бросился бегом в операторскую.

Дверь оказалась заперта, и пришлось стучать. Щелкнул замок, и на пороге вырос Долговязый.

— Что вы здесь вытворяете! — раздраженно спросил директор.

Долговязый молча пропустил его в операторскую и закрыл дверь. Тут Сухачев увидел двоих. Один, ниже среднего роста, в строгой черной тройке, белоснежной рубашке и блестящем пестром галстуке, в черной широкополой шляпе, натянутой на уши, щелкал переключателем громкости звука и после каждого щелчка громко хмыкал. Второй, пожилого возраста, в выдавшем виды зеленом костюме, тоже в белой рубашке, но с бордовым галстуком на шее, перематывал бобины с киноленткой.

— Кто это! — спросил оторопело Павел Леонидович.

— Это — лучшие киномеханики, мои помощники, — ответил Долговязый.

— А что вы, лучшие киномеханики, со звуком сотворили! В зале же ни черта не слышно!

— Да! — удивленно произнес тип в шляпе, не глядя на Сухачева. — Одну минутку. — Он опять защелкал переключателем, словно играл с ним.

Сухачев подошел к окешку в зал. В зале был нормальный звук, зрители спокойно смотрели фильм.

— Значит, так, мужики... — начал Сухачев.

— Павел Леонидович, — перебил его Долговязый.

Сухачев нетерпеливо махнул рукой, строго посмотрел на Долговязого.

— На работу я вас еще не оформлял. Посмотрим, как пройдут два сеанса и премьеры, а там решим. И, кстати, — обратился он к щелкающему, — вы что, свою шляпу никогда не снимаете! Вообще-то, в помещении принято находиться без голозного убора.

— Она не снимается, ее нельзя снять, — сказал тот и посмотрел на Павла Леонидовича своими бесцветными глазами. Сухачев произвольно икнул.

— Паровоз, — обратился в этот момент Долговязый к обладателю бордового галстука, — заряжай следующую часть.

— Пассажир, Космонавт давно зарядил.

— Тогда переключай аппарат, — сказал Долговязый, которого почему-то называли Пассажиром.

«Циркачи! А я ведь у этих гавриков даже документы не проверил! Ладно, главное — премьеры. После разберемся», — подумал Сухачев и вышел из операторской.

На следующий день, придя на работу, Сухачев еле пробился сквозь возбужденную толпу в свой кабинет. Едва он спустился в кресло, как вошла контролерша Дарья Степановна.

— Павел Леонидович, кого мы на работу приняли! — сказала она возмущенно. — Это же космонавты!..

— В смысле!.. — уставился на нее Сухачев.

— Да в прямом! — сказала она и покрутила пальцем у виска.

— А-а-а, это мелочи. Для нас главное — не сорвать премьеру. Почему столько народа! Неужели на премьеру!

— Нет, на «Преступление и наказание». Хотя и на «Глыбу» билеты берут. А это народ все на «Преступление»... Я тоже сначала думала, что неинтересный, а вчера посмотрела... Там Раскольников целую мафию в Петербурге обезвреживает, он там во главе студенческо-гусарского полка специального назначения такой дворцовый переворот устраивает — закачаешься, и женится на внучке царя... Какая свадьба! Вы бы только видели...

— Подождите, — сказал Сухачев, — какая мафия! Какой переворот и какая свадьба! У Достоевского ничего этого нет!

— Ну я не знаю, что есть у вашего Достоевского, Павел Леонидович, но фильм очень интересный, особенно в том месте, где он на старуху выходит. Она же главная оказалась! Там такая перестройка!.. — Дарья Степановна, спохватившись, посмотрела на часы. — Ой, заговорила я, пора людей на сеанс впускать.

«Кто их поймет, режиссеров, со своими новыми трактовками классики», — подумал Павел Леонидович.

П ОПРЕЛОВ пришел в 14.15.

— Отлично! — закричал он с порога. — Я только что из кассы, все билеты проданы! — Он плюхнулся на стул. — Фантастика — вещь коммерчески выгодная. Я попервости всякой ерунды на деревенскую тему снимал... и был без куса хлеба. А как перекинулся на фантастику... — он многозначительно подмигнул Сухачеву. — Так-то вот. Трудности, конечно, непонимание всяческого, но...

Сухачев согласно закивал головой.

— Я пять лет снимал этот фильм, — продолжал Попрелов, — и три года ждал премьеры. Это в какой-то мере продолжение моих предыдущих фильмов «Высь» и «Обширь»... У-ух! — Попрелов передернул плечами. — Извините, я изжестся, даже не подзорвался... Понимаете, волнуюсь... Трясет, как мальчишку... Порядок, думаю, менять не будем, сначала фильм, а затем встреча со зрителями!..

Сухачев утвердительно кивнул и посмотрел на часы:

— Идемте в зал! Нам уже пора.

Зал был полон. Сухачев и Попрелов сели на отведенные для них места. Свет погас, и на экране вспыхнуло название фильма — «Г Л Ы Б Ъ». Попрелов выразительно толкнул Сухачева в бок — сейчас начнется.

На экране зазеленел пологий склон холма. Пышногрудая красавица лет тридцати пяти, с русыми волосами, безмятежно рвала цветы. Камера дала панораму сверху. За холмом открылся роскошный заливной луг, по которому катил трактор, зачем-то оставлявший за собой черную полосу вспаханной земли.

Сухачев смотрел два предыдущих фильма этого режиссера, и, честно говоря, они ему не очень нравились. Конечно, сработано по всем законам кинематографии, выдержаны необходимые требования и соблюдены соответствующие приемы, но все-таки это сухие, набившие оскомину прокатки. И то, что у Попрелова снимались некоторые звезды кино, скорее убавляло яркость этих звезд, чем прибавляло её картинам. Но у многих известных критиков и деятелей искусств фильмы Попрелова были в почёте, что, видимо, и пробивало им дорогу на экран.

...И вдруг на вершину холма, испуская невероятное радужное сияние, села летающая тарелка! Красавица бросила свой букет и, заливаясь счастливым смехом, побежала к инопланетному кораблю...

— Неплохо снято, — сказал Павел Леонидович, поворачиваясь к Попрелову, но того рядом не было. Попрелов, низко пригбываясь, бежал по проходу через зал в операторскую. Сухачев, ничего не понимая и тяжело пригбываясь, устремился за ним.

Вбежав в операторскую, он увидел Попрелова, сматывающего киноленту с бобины и просматривающего кадры на свет.

— Ничего не понимаю, — бормотал режиссер. — вроде мое и вроде не мое, ч-черт, ничего не понимаю! — Попрелов повернулся к Сухачеву. — Павел Леонидович, я это не снимал. — Голос его был таким жалким, что, казалось, еще чуть-чуть — и расплывается.

— Что вы такое говорите! — Сухачев подошел к нему, взял ленту в руки и поднёс к лампе.

— Вот посмотрите, — режиссер тыкал пальцами в кадры, — у меня Сашенька — скромная, тихая девушка — встречает возвращающегося с пашни Борю, который только что опробовал совершенно новый, изобретенный им метод вспашки, и никаких этих... летающих тарелок! Никаких! Видите!

— Мужики, вы какой фильм показываете? — Сухачев посмотрел на киномехаников. — Вы какую пленку крутите!

— Мы показываем «Глыбь». — Кто ответил — было непонятно.

Попрелов бросился к окошку в зал. Сухачев последовал его примеру. На экране, среди мерцающих звезд, в космической бездне витал букетик земных цветов ромашек.

— Не понял! — закричал Попрелов.

Сухачев оглянулся на киномехаников. Долговязый, стоя у аппарата, как артиллерист у орудия, подняв руку вверх, глядя через амбразуру в зал, командовал:

— Космонавт! Внимание! Запускай! — и махнул рукой. — Паровоз! Следующую часть!

— Пассажир, не гони события, восприятие притупляется, — откликнулся Космонавт в шляпе. — Паровоз на такой темп не рассчитан...

— Пассажир, чрезмерно закручиваешь, — отозвался Паровоз.

Сухачев, ничего не понимая, смотрел на экран. Знакомое летающее блюдце, рассыпая фонтаны искр, протарганило не то сеть, не то розетку гигантских размеров (похоже, происходило какое-то сражение), но и само, покрывшись трещинами, безвольно закувыркалось в стремительном падении. У Сухачева перехватило дух. Блюдце на огромной скорости врезалось в скалу на берегу потрясающего красивого моря. Страшный взрыв, клубы фиолетового дыма заволочили экран, и вдруг чьи-то глаза крупным планом, и зрачки, в которых картина падающего в бездонном космосе букета затягивается туманом, а через секунду — опять розовое море, и на берегу, среди оплавившихся обломков, статуэтка женщины с букетом цветов, отлитая из серебристого металла...

— А-а-а! — раздался за спиной сдавленный крик.

Сухачев вздрогнул от неожиданности, оглянулся. Знаменитый режиссер вцепился в бобину, пытаясь вырвать её из рук насулившегося Паровоза.

— А-а-а! — опять выкрикнул Попрелов. — Отдай, злодей, ленту!

— Пассажир! — крикнул Космонавт Долговязому. — Работай один, я помогу Паровозу, попридержу эту бездарность...

— Кто бездарность! Я бездарность!! — Попрелов поблудил, лицо его перекосила нервная судорога, глаза выкатились из орбит. Он, не отцепляясь от бобины, дернулся в сторону Космонавта. — Ах ты, злюка в шляпе! Да я не первый год в искусстве! Да я!.. Да ты!..

Сухачев бросился разнимать скандалистов. Известный режиссёр сопротивлялся и лягался, как хороший рысак. Краем глаза Сухачев видел, что в аппаратах нет ленты, но зрители в зале продолжали что-то смотреть, а Долговязый просто присел на стульчик и смотрит через окошко на экран. И тут искры посыпались из глаз Сухачева — Попрелов попал ему в пах. От острой боли Павел Леонидович потерял ориентацию во времени и пространстве, ноги его подкосились. Чтобы не упасть, он схватился за брючину Космонавта, но вдруг все закружилось перед его глазами. Слово издадала донеслись невнятные выкрики Попрелова типа «Кто вас звал!» или «Кто вас прислал!». Павел Леонидович лежал на полу и совсем близко от своего лица видел черную лаковую туфлю, желтый махровый носок, брючину... Это были не туфли, носок и брючина, не предметы одежды, надетые на тело, это было одно целое — ступня в форме туфли, постепенно переходящая в носок, носок, переходящий в брючину... Что-то подняло Сухачева с пола и поставило на ноги... Павел Леонидович возвращался откуда-то из небытия... Слово из тумана выплыл и сел на стул в углу операторской Попрелов. Он хватал воздух ртом и затравленно озирался, причитая:

— Это что же!.. Как же!.. Фантастика — живая ветвь искусства! Вы понимаете?! Нельзя так, по живому!..

Сухачев ничего не понимал. Рядом с ним стоял Космонавт, Паровоз отошел на шаг в сторону.

— Я всю жизнь снимал фантастические фильмы! — выкрикнул Попрелов.

— Этот детский лепет! — спросил Долговязый, продолжая глядеть в зрительный зал, и мотнул головой на коробки с пленкой.

— Ну и что! — выкрикнул Попрелов. — Как снимал, так и снимал! Вам какое дело! У меня хоть такой, но был кусок хлеба!.. А теперь что! Как теперь! — И выкаченными глазами уставился на Сухачева.

Павлу Леонидовичу стало нехорошо от этого взгляда, от слов Попрелова. В мозгу у него зашевелилась дикая мысль.

— Что «как теперь!» — спросил он.

— Всё! Ха-ха! Не будет больше искусства, фантазия иссякла! — кричал режиссер.

— Но почему! — тоже закричал Сухачев, хотя не давая себе отчета, почему его так взволновала судьба искусства.

— Да потому, — Попрелов поправил галстук, — они убьют его. Дело даже не в фильме. Они прилетели! Вот они!

«Пришельцы!» — в сматини подумал Сухачев.

— Что теперь выдумывать, — продолжал Попрелов. — Какие планеты! Какие невероятные ситуации! И зачем! Вы были в Большом Шаровом Скоплении! — неожиданно спросил он тронцу.

— Конечно, — ответил Космонавт.

— Ну вот, видите, — тихо сказал Попрелов, обращаясь к Сухачеву. — Нам уже ничего не осталось. — Лицо его сморщилось, и он вдруг заплакал.

Сухачев растерянно смотрел на пришельцев, на Попрелова.

— Нет, ну так нельзя!.. Нет же, конечно!.. Нельзя так все одним махом!.. — Павел Леонидович окончательно пришел в себя. В глубине души он вдруг почувствовал безотчетное желание защитить Попрелова. — Этого никто не допустит!

— Кто не допустит! — спросил, всхлипывая, режиссёр. — Кто! Завтра состоятся всемирные похороны искусства. Нашего искусства. Всех приглашаю на поминки.

— Нет, товарищ Попрелов, подождите. Как же так! — Павел Леонидович совершенно неожиданно для себя заявил — Я требую прекратить фильм! Слышите! Немедленно!

— Почему! — Долговязый оглянулся. — Еще вторая серия.

— Кто здесь хозяин! — завопил Сухачев. — Кто из нас

директор: я или вы! Сейчас же прекратите фильм!
 Долговязый вздохнул и отключил киноаппарат. В зале зажегся свет, и спустя секунду мертвой тишины зрители взорвались аплодисментами, раздались крики «Браво!», «Режиссера!».
 — Товарищ Попрелов, успокойтесь, вас ждет встреча со зрителем, — сказал Сухачев. — А вы, товарищи... давайте выйдем.

ПУБЛИКА дружно-ликующе скандировала: «Режиссера!». Попрелов высморкался в платок и со словами «Ах ты, мать честная!» выбежал из аппаратной и устремился по центральному проходу к сцене, где его уже ждал микрофон.

Сухачёвы пришельцы через другую дверь вышли в фойе.
 — Как вы посмели так нахально!! — зловец зашипел Сухачев, оглядываясь на Дарью Степановну, чтобы та, не дай бог, не услышала. — Да кто вы такие!

— Мы не нахально, наоборот, — сказал Долговязый. — Мы лишь хотели помочь вам. У вас же срывалась премьера! К тому же фильм настолько наивен, что не выдерживает никакой критики... И потом, почему вы решили, что мы несем гибель искусству. Халтуре, подделке, безусловно, но подлинное творчество... причем здесь оно! А в отношении этой «Глыбы»... — пришелец застенчиво потупился. — Мы позволили себе вставить несколько документальных воспоминаний. И все... но... слышите! — Он указал на дверь зрительного зала, которая не могла заглушить восторженных оваций.

— Ну и что! — сказал Сухачев. — Наша публика — это наша публика. Я как официальное лицо со всей ответственностью заявляю... — Сухачев запнулся.

Из-за дверей доносился голос Попрелова: «И пусть некоторые ученые утверждают, что мы одиноки во Вселенной! Пусть контакт — навязчивая, бредовая идея человечества! Фантастика — живая ветвь искусства — пробуждает в человеке творческое начало...» Зал взорвался аплодисментами.

— Пройдите ко мне в кабинет, — сказал Сухачев пришельцам.

В кабинете Сухачёв испугался, оказавшись один на один с... С кем! Перед его глазами маячил черный лаковый туфель, переходящий в желтый махровый носок. Павел Леонидович прижался к стене. Только стол отделял его от...

— Кто вы такие! — спросил он.

У Долговязого в руках появился страшный, играющий розовыми бликами бланк.

— Вот, — сказал он, — пожалуйста, Официальный документ. Удостоверенне на контакт. Так что мы не нахальничали...

Сухачёв посмотрел на бланк. Очень красивыми, четкими буквами было отпечатано:

Система Андромеды.

Группа для контакта в составе:

1. Биоробот.
2. Пилот космического корабля.
3. Полномочный представитель...

— Ну и что! — сказал Сухачёв, бросив читать, и вернул бланк. — Никаких контактов.

Павел Леонидович замолчал, подбирая оптимальную мотивировку отказа. Павлу Леонидовичу было жалко себя, Попрелова, жалко привычное искусство, которое, хоть и не всегда нравилось ему, но было понятным, удобным и, главное, уже апробированным. А здесь... Конечно, восторги и овации — это хорошо, но потом... чёрт его знает... Старенькое «как бы чего не вышло» зашевелилось в нём, как всегда, когда нужно было принимать сколько-нибудь ответственное решение. И вдруг он вспомнил слова известных фантастов о том, что пока земляне не достигнут Плутона, контакт не желателен. Почему именно Плутона, а скажем, не Проксима Центавра, он объяснить не мог.

— Пока мы... — он перевёл дух, осознавая всю важность момента и чеканя слова, произнёс: — Пока человечество не достигнет Плутона, ни о каком контакте не может быть и речи.

— Но почему! — воскликнул Долговязый.

— Так надо, — твердо сказал Сухачёв.

Долговязый скривил в насмешку губы, переглянулся с Космонавтом и Паровозом, посмотрел Сухачёву в глаза.

— Вы хоть представляете, о чем говорите! — спросил он. — В эти несколько десятков лет контакт ещё возможен. А к тому времени, которое вы имеете в виду, мы уйдем настолько далеко вперед, что ни о каком взаимопонимании не будет и речи; вы нас как цивилизация перестанете интересоваться... Прощайте...

— Прощайте, — сказал Сухачев, но перед ним уже никого не было.

Владимир ВАСИЛЬЕВ

В последнюю ночь полнолуния

НАКОНЕЦ пришла пятница. Бойт ждал ее с отчаянием — ночь с пятницы на субботу была первой ночью полнолуния. Значит, опять начнется... А потом боль во всем теле, полное отсутствие памяти, примерно с полуночи. И слухи, слухи, неумолимо ползущие по городу: «Вы слышали! У Фарлингов сын пропал. И сарай сломан, а забор и вовсе в щепы. И следы, следы — кто может оставлять такие следы!»

Потом, конечно, будут найдены изуродованные останки молодого Фарлинга, и жители торопливо попрятчутся по домам, запирая двери и ставни, потому что покрасневшее солнце нырнет за горизонт, и сразу же навалятся июньские липкие сумерки, а за ними — вторая ночь полнолуния.

Бойт удрученно вздохнул. Это началось недавно — нынешнее полнолуние всего третье для него. И все же... Уже четырежды находили изувеченных жителей Армидейла, небрежно покинувших жилище ночью, натыкались на полуразрушенные деревянные строения.

И городок погрузился в оцепенение. Обитатели отсиживались за мощными стенами старых каменных домов, понимая, что оборотень — кто-то из местных. Армидейл стоял в такой глуши, что за ночь добраться от ближайшего селения можно было разве что на самолете, которые сохранились только в столице и, по слухам, уже давно не летали. Горы и лес окружили городок с трех сторон, и единственная дорога убегала на юг, где далеко-далеко, в

неделе пути, лежал такой же городишко Гриборг.

Бойт торопливо шагал по улице и обдумывал то, что пришло ему сегодня в голову утром. Соседи тихо кивали ему — Бойт здоровался и сразу же опускал взгляд. Он боялся, как и все в Армидейле.

Правда, пока никто не догадывался, что боится он совсем не того, чего остальным. Но самым парадоксальным было то, что больше всех боялся именно он — Бойт. Остальные боялись только одного — оборотня. Бойт боялся всего — себя, своего ночного безумия, сограждан, которым он угрожает, их противодействия, мести, расправы, которая рано или поздно обрушится на него. Как ужасно терзаться страхом, виновник которого ты сам! И ведь сделать ничего нельзя!

Бойт зажмурился и сжал кулаки.

Дом у него старый и крепкий. Будь оборотнем кто другой, Бойт чувствовал бы себя в безопасности за его массивными стенами.

Нет, непременно, сегодня же сделать то, что задумано. Но получится ли!

ЛАН неслышно подошел к сестре и разом положил руки ей на плечи. Васта вскрикнула и дернулась всем телом. Лан смутился.

— Прости...

Сестра всхлинула и, расслабившись, опустила на газ бурет.

— Господи... Сколько это будет продолжаться!
— Прости, Васта. У меня просто родилась одна мысль. Васта горько усмехнулась:
— Какая мысль, Лан! Кто может справиться с этой тварью!

Лан хотел ответить, но не успел — с улицы постучали в дверь. Почти одновременно часы пробили десять вечера.
— Не открывай! — прошептала Васта, ухватив брата за локоть. — Это ОН!

«Еще рано, всего десять...» — подумал Лан и вышел в прихожую. Васта, повиснув на руке брата, как могла, удерживала его: — Не открывай!!!

Стук повторился. Лан взял свободной рукой разрядник, короткую электрическую винтовку, всегда висевший на крайнем крючке вешалки, и громко спросил:

— Кто там!

Снаружи послышался приглушенный голос:

— Лан! Открой! Это мы — Ари и Веселый. Открой, пожалуйста!

Васта вздрогнула и замолчала — Ари был ее женихом.

— Что вы, черт возьми, делаете на дворе в такой час!

— Лан, кто-то вышиб окно у нас в спальне. В дом теперь может забраться кто угодно. Открой, пожалуйста! Нам нигде укрыться! Эй, слышишь!

Лан колебался.

— Откуда я знаю, вы это или только притворяетесь!

— Лан, прошу тебя! Мы уже десять минут стоим на улице!!!

— Ари, — перебила его Васта, — скажи, как ты меня называешь! Только ты! Как!

— Это он! — сказала Васта брату. — Никто не может этого знать..

Лан отпер дверь. В сени свалились двое — Ари и его закадычный дружок, имени которого никто не знал. Все называли его просто «Веселый».

В открытую дверь на миг заглянул желтый кругляш полной луны, и Лан защелкал замками.

— Черт бы вас побрал! Шляетесь в такое время... — проворчал он, вешая разрядник на место.

Веселый выглядел сегодня не особенно веселым. Ари перестал обниматься с Вастой и повернулся к Лану.

— По правде говоря, дом у нас в полном порядке. Лан. Просто я придумал, как изловить эту сволочь, — сказал он. Лан покачал головой:

— Ты идиот, Ари. Я бы ни за что не вышел на улицу в темноте.

— Но надо же что-то делать, — пожал плечами Ари и усадил Васту в кресло. Лан вздохнул.

— Ну и что ты там придумал!

ЗВЕЗДЫ уже поблекли, и темнота расплзлась, уступая место рассвету. Бойт дернулся и пришел в себя. Все тело ложило и жгло, словно его долго топтали в луже из кислот.

Он огляделся. Городок виднелся в полумиле слева. Бойт вскочил, превозмогая боль, и побежал туда, торопясь добраться до дома, пока окончательно не рассело. Бежал он по знакомому следу — двойной цепочке четких глубоких отпечатков, внушавших сейчас, утром, чувство гадливости и отвращения.

Значит, ничего не вышло. Вчерашняя выдумка его не состоялась. У окраины Бойт свернул со следа и задумался пробрался к своему дому. Дверь была распахнута чистейше. Он вошел в комнату и устался на грудь битого кирпича.

Вчера он снял люстру и привязал к крюку в потолке крепкую веревку, сделал на конце две петли. Второй конец намертво прикрепил у основания массивной чугунной печи. Около полуночи он встал на табурет, одну петлю захлестнул на ногах, другую на запястьях. И завалился на бок, чувствуя, как выворачиваются руки и сгибается в дугу спина. От толчка табуретка упала, и теперь он, абсолютно беспомощный, висел между потолком и печью. Это было вчера, после полуночи. Больше он ничего не помнил.

Бойт угрюмо взглянул на потолок. Крюк был вырван напроц, и на его месте красовался безобразный кратер метрового диаметра. Сам крюк и часть потолка валялись посреди комнаты. Веревка, привязанная к печи, была просто оборвана и пестрой массой свисала в углу.

Бойт зажмурился и обессиленно повалился на кровать.

Боль медленно отступала. «А ведь за сегодня нужно еще что-то придумать», — вяло решил он.

Спустя час Бойт встал и начал собираться на работу. Работал он единственным продавцом в крошечном универсаме и обычно целый день механически принимал деньги, отпускал покупки, а сам думал и думал все время о своем.

Бойт запер дом и побрел вверх по улочке к магазину. Сегодня должен был явиться хозяин и привезти партию товаров ну и, само собой, устроить Бейту обычный разнос, после которого все пойдет, как прежде.

Армидейл тем временем оживал. Захлопали открывающиеся ставни, показывались помятые, со следами ночного страха и бессонницы лица.

Прохожие торопились кивали друг другу и спешили поскорее разойтись. Бойт вел себя точно так же.

У дома Ридли Ньюмена собралась толпа. Подгадеть было на что: здание выглядело основательно развороченным — стены рухнули и развалились на части, крыша обвалилась, почти лежала на земле. С чердака сияли насмерть перепуганного сына Ридли, а самого хозяина и его жены нигде не было. И следы, следы, знакомые жуткие следы... Бойт вздрогнул и быстро зашагал дальше.

ЛАН вернулся через час. Ари с Веселым побросали лопаты и выбрались наверх, ожидая, что он скажет.

— Ридли Ньюмен с женой, — глухо сообщил тот. — Вдребезги, в пыль. Они стали одним целым — он, она их дом. Вернее, их развалины.

— А мальчик! — спросила Васта. Она стояла в дверях, положив ладонь на косяк, и смотрела на Лана.

— Он жив, но, похоже, лишился рассудка.

Ари скрипнул зубами и спрыгнул в яму, на лету подхватив лопату.

— Давайте! Времени не так много.

С приходом Лана дело пошло быстрее. Над краем ямы то и дело взлетали фонтанчики выбрасываемой земли.

Около двух часов дня Васта заявила, что пора передохнуть и подреветься. Все уселись за стол. Васта до сих пор олабо предствляла, что задумали мужнины.

— Понимаешь, — объяснял Ари ей, одновременно рассуждая вслух, — похоже, оборотень нападает не на слишком крепкие дома, крушит двери, окна. И те, кто был в домах, и те, кто на улице, и не пытались бежать. Обыватель, парализованный страхом, забивается в угол и лишь вопит от ужаса. Помните первые убийства — след оборотня везде был коротким. Значит, догонять жертву ему не приходилось. Вообще, я думаю, что он передвигается не быстрее нас. Вот Веселый месяц назад попался ему, но удрал. Побежал — и оторвался уже через минуту.

— Ты видел оборотня! — изумился Лан.

Веселый угрюмо кивнул.

— Да.

Васта схватилась за виски:

— Господи..

Лан чужим голосом спросил:

— И... Какой он!

Веселый секунду помедлил:

— Я не хочу никого пугать. Но если мы его не пережитим, он убьет всех нас.

Все замолчали. Потом Ари сказал:

— В общем, Васта, хоть оборотень и становится все силанее, но в скорости он не прибавляет. Выходит, есть шанс навязать ему нашу игру. Мы хотим замаскировать яму, заманить туда и убить.

Вскоре западня была готова. Ари обозначил ее границы неприметными вешками.

ДВОР Лана с улицы почти не просматривался, его окружала высокая изгородь. Яму вырыли в центре двора, между изгородью и домом. По правую сторону от нее был крепкий каменный сарай, по левую — дорожка: от калитки к дому. Веселый влез на столб и у калитки прикручивал проволокой мощный прожектор, Ари и так, и эдак приглядывался к западне, улучшая маскировку. Обойдя дом сзади, разбрасывал кучи земли, потом ему стал помогать Веселый. Скорее участок стал выглядеть просто вскопанным.

Только закончив работу, они вновь собрались в доме. Васта привычно проверила запоры на окнах.

Вечерело, но на голубом еще небе уже отчетливо проступал бледный диск луны.

Васта взглянула на Веселого и без выражения спросила:

— Ты думаешь, твой прожектор поможет!

Тот неопределенно пожал плечами:

— Все же лучше, чем столкнуться с ним в полной темноте.

— И вы думаете, что он туда так и свалится!

Веселый только усмехнулся.

Смеркалось быстро. Васта хотела закрыть ставни, но Лан ее остановил.

— Подожди, сестра. И вот что, иди-ка ты в свою комнату, запри и постарайся уснуть. Ты не должна нас сковывать. — голос у брата был непривычно ломкий. Васта не могла не подчиниться. Ари обнял ее и отвел в спальню. Ключ дважды повернулся в замке.

И друзья стали ждать. Часы пробили десять, потом одиннадцать. Тишь за окнами разбавлялась только шелестом листвы на ветру. Прожектор на столбе ярко освещал двор и часть улицы, и от этого темень за пределами светлого круга казалась еще более злоедей.

В полночь они открыли дверь и вышли на крыльцо.

Армидей горел редкими огоньками. Почти везде заперли ставни, и дома темными тушами громоздились вдоль померкших перспектив улиц.

— Черт побери! — прошептал Ари, — поди разберись, откуда он появился.

Лан озирался. Он не знал, что заставило друга говорить шепотом, но сам на его месте поступил бы так же. Все их смелые дневные планы казались совершенно беспомощными, никчемными, заранее обреченными на провал перед ночным мраком и тишь.

Веселый ватным шагом проковылял по дорожке и открыл калитку. В освещенном прожектором овале он был жалок и одиноч. Немного постояв, он крикнул нелепо, в неизвестность:

— Эй! Где ты! Иди сюда!

Лан уткнулся в плечо Ари:

— Ну почему мы такие беспомощные в этой тьме!

А Веселый все мялся с ноги на ногу посреди освещенного пространства и постоянно озирался. Так прошло минут двадцать.

Вдруг Веселый подобрался, бочком юркнул в калитку и побежал на крыльцо. Лан сжал разрядник, до рези в глазах глядя в тьму. Но ничего не происходило: так же темно, тихо и неподвижно, как и прежде. Лан глянул на Веселого — с того градом катил пот. И еще Лан заметил, что у него трясутся руки. Веселый прошептал:

— Я больше не могу...

Ари зло сплюнул.

— Так мы ничего не добьемся.

А ночь поглотила и Армидей, и горы, и полмира, среди мрака, высоко в небе, горела полная луна.

Друзья ушли в дом.

А перед рассветом тишину вспорол отдаленный рев, а вслед за ним раздался полный отчаянья и безнадежности пронзительный крик. Все четверо мигом оказались на крыльце.

Оборотень чинил расправу кварталах в пяти от них. Крики оборвались почти сразу, а густой утробный рев еще долго сотрясал теплый июньский воздух. Каждый понимал, что бежать на помощь уже поздно.

Потом в открытую дверь вполз рассвет, и они заснули, кто где сидел, разбитые и утомленные нервной чочью.

Лан очнулся, когда часы в комнате пробили пять вечера. Не проснулся, а именно очнулся от бездонного забытья, в которое его погрузила усталость.

Ари с Веселым сидели на крыльце, вполголоса переговариваясь. Васта еще спала. Лан с хрустом потянулся и побрел к зеркалу. Заснул он и проснулся с одной мыслью: как подманить оборотня к дому! Не устраивать же вечеринку на крыльце...

Стоп!!! А почему бы и нет!!

Лан круто развернулся и вышел к Ари с Веселым. Те сразу отметили оживление на его лице.

— Ты как будто что-то придумал!

— Кажется, да!

Кого настяг оборотень прошлой ночью, они в тот день так и не узнали. А когда стало темнеть, недоумевающие соседи могли видеть ярко освещенное крыльцо в доме Лана, стол на четверых и веселящуюся компанию, рассыпающую окрест хохот, звон гитары и душераздирающие вопли оглушительного хард-рока. Лишь на столе, как бы случайно, лежал Ланов разрядник, а Веселый, остаток дня проведенный в импровизированной химической лаборатории, вертел в ладонях два небольших стеклянных пузырька с вязкой жидкостью.

«Веселились» почти до утра. Но оборотень так и не появился. В ту ночь его вообще никто не видел и не слышал — и это была первая ночь без жертв. Армидей не знал что делать — вздохнуть свободно или бояться еще сильнее.

Напрасно ждали оборотня и следующей ночью. Нервы Лана и его сообщников были натянuty до предела. Шла последняя ночь полнолуния.

На закате Ари с Веселым решили обойти дом. Просто так, без какого-то умысла. И на разбросанной два дня назад земле наткнулись на знакомые злоедейские следы.

Лан сидел на крыльце и чистил разрядник, на который почему-то очень надеялся. И когда из-за угла пулей вылетел Ари с перекошенным лицом, Лан непроизвольно вздрогнул и вскинул оружие.

— Лан! Он все-таки был здесь! Последние две ночи выжидал за домом!

Потом они все вместе ходили осматривать следы. Веселый хмурился, Ари все ждал, что же скажет Лан. Тот не спешил с выводами.

— Ну, что! — не выдержал Ари, — кажется, мы теперь знаем, откуда его ждать!

Лан не ответил. Он тоже об этом подумал. Если оборотень вновь придет сюда и решит напасть, значит, он выйдет к крыльцу справа, между домом и сараем, и если бежать от крыльца по дорожке, оборотень, увлекшись преследованием, неминуемо попадет в западню.

Но сейчас Лана волновало не это. Во-первых, как тварь смогла так бесшумно пробраться к дому, что они, ждущие и напряженные, ничего не заподозрили? И почему, черт возьми, он две ночи выжидал! Что его удерживало! Неужели свет и их жайкая возня!

Лан терялся в догадках. Все разрешить могла только ночь. Последняя ночь полнолуния.

И она пришла, затянула городок темной пеленой, разбросала по угольному небу колпочки звезд и глянула на мир немигающим окном полной Луны!

Спиной к проходу между домом и сараем сидел Ари. Лан с Веселым расположились напротив него и зорко глядели в темный проем. Васта уже дважды украдкой ходила в спальню, к окну, пытаясь увидеть выжидающего за домом оборотня.

Ветер запутался в листьях тополей и слегка колыхал кроны, но шелест заглушила музыка.

Васта в третий раз пошла в спальню. Вот тут-то все и началось. На полуслове оборвалась музыка, погас на столбе прожектор. И, кромсая ночную тишь, в воздухе завис громкий рев, перебивая крик, одновременно вырвавшийся из трех мужских глоток. Васта закричала секундой позже.

Оборотень напал не с той стороны, откуда его ждали. Он проломил ограду соседнего двора слева от крыльца и, незаметный, устремился по дорожке, ведущей к дому. Лан рефлекторно вскинул разрядник и пальнул на шум и рев во тьму. В свете короткой вспышки они увидели массивное приземистое тело в каких-то двух-трех шагах от себя. Лан попал, динамический удар отшвырнул оборотня от ступенек, и воздух сотряс новый злобный рев.

Секундой позже вспомнилась Васта и метнулась к аварийному дизелю, зацепившись в темноте за кресло и налетев на полки с книгами. К счастью, ее палец попал прямо на кнопку: над крыльцом вспыхнула лампочка.

Оборотень вновь устремился к крыльцу, дыра на его боку быстро затягивалась. Ари опрокинул на тварь северо-русский стол и, перемахнул через перила. Лан с Веселым последовали его примеру. Разрядник щелкнул еще раз, но оборотень, вновь отброшенный от крыльца, зарывал раны прямо на глазах, и Лан, сорвавшись с места, отшвырнул бесполезное ружье. Веселый, пригнувшись, пере-

секал двор. В эту секунду оборотень сделал прыжок и вцепился в Ари, пытавшегося вскарабкаться на крыльцо. Ари подтянулся на руках, перевалился через перила и, оглянувшись, осознал, что его левая нога оттяпана чуть выше колена. Боли не было — Ари переполняли только отчаяние и ненависть.

Лан с Веселым подкарались сзади, пока оборотень драл Ари, и обрушили на него тяжелую дубовую колоду. Монстр развернулся и мотнул тяжелой лапой — Лана отбросило через весь двор к калитке. Веселый увернулся и удкал к сараю. Оборотень рыкнул и рывком нагнал Веселого.

Лан у калитки хотел подняться и не мог — все время падал. Веселый еще раз увернулся от страшной лапы и наконец всколил. Оборотень приготовился на него броситься, но не успел.

Из сарая с пронзительным воплем, от которого вздрогнул даже оборотень, показалась Васта.

— Сюда! Иди сюда, тварь!

На секунду их взгляды встретились. Оборотень замер и повернулся к ней. А потом стал медленно приближаться.

Веселый метнулся на крыльцо, где выронил свои пузырьки. Их подул ему Ари.

С громким хрустом частил над ямой проломился, и оборотень, тяжело рухнув на левый бок, провалился в западню.

Над городком раскатился злобный, но уже бессильный рев. А Веселый, став на краю, с силой метнул вниз оба пузырька, и они, ударившись о стальную обшивку оборотня, разлетелись на мелкие стеклянные брызги. Над ямой за клубился густой дым.

Васта охнула и села на землю у стены сарая, Лан чертыхался и умолял помочь подняться, Ари молча наблюдал за всем с крыльца. Веселый первым делом пошел к элект-

рошиту, стал копать в проводке, а Вастой занялся только тогда, когда всыхнул прожектор, засветились окна в доме и совершенно не к месту громко заорала музыка.

Веселый больше не спешил. Он отвел в дом слегка пришедшую в себя Васту, взял отвертку, щуп и кое-как поправил сплюснутый блок равновесия Лана, а потом они уже вдвоем осмотрели Ари. Сам Ари не пострадал, а вот оторванная нога, помятая и погнутая оборотнем, уже ни к черту не годилась. Пришлось усадить Ари в кресло и совсем отмонтировать бесполезный обрубок — новую ногу прикрепить уже вдвоем.

И только теперь Лан с Веселым подошли к яме. Оборотень, рыжий от ржавчины, неподвижно валялся на дне. Лан дернул головой.

— Дьявольщина! Вот он уже и не опасен, а все равно жутко, правда!

Веселый кивнул.

— А что у тебя было в бутылочках! Какой-то катализатор!

— Угу, — промычал Веселый, — дельта-окислитель.

Они хотели было отойти, но тут оборотень дернулся и всхрапнул. Его лапы разложились на восемь сегментов, шипастые гусеницы обвисли, ковш спереди стал стремительно разгибаться, принимая очертания лобовой части обычной серийной модели. И через несколько минут это был точно такой же робот, как и вся наша компания, только насквозь прожаривший.

— Бойт! — удивился Веселый.

— Да, — протянул Лан, — серийный робот-продавец 2А-СР, образца 7226 года и бульдозер-оборотень. Эй, Васта! Знаешь, кто это?! Бойтон из универмага!

Но Васте было не до него: она собирала разбросанный сервис — разрисованные цветочками мини-аккумуляторы.

ДЕЛО О ТРЕХ МИНУТАХ

Виктор Дятлов

ЧЕТЫРЕ нераскрытых ограбления магазинов, происшедших в городе в течение месяца, буквально ошеломили старохоломского обывателя, уже привыкшего к мысли о том, что подобное может произойти скорее в фильмах и книгах соответствующего жанра, нежели в обычной жизни. По городу шли пересуды, а начальник горотдела внутренних дел Романенко на совещаниях в исполкоме лишь туманно намекал, что следствие о злополучных кражах скоро даст некие результаты.

Начальник отделения уголовного розыска Саврасов отлично понимал состояние своего шефа и не очень обижался ни на вечно вопрошающий взгляд, ни на холодноватые интонации в голосе начальника милиции, когда тот во время оперативки придирчиво расспрашивал его о всех деталях следствия. Вот-вот, с деталями-то и было негусто.

Правда, в милиции все четыре дела об ограблении магазинов уже объединили в одно: слишком похожими они были — словно монеты, вышедшие из-под одного чекана. Все ограбления совершались в магазинах «Культтовары» одним и тем же способом: разбивалась стеклянная витрина, преступники мгновенно проникали в магазин, брали небольшие, но дорогостоящие вещи — транзисторные радиоприемники, магнитофоны, фотоаппараты, кинокамеры — и тут же исчезали. Хотя сигнализация всегда срабатывала исправно, и патрульная милицмейская машина появлялась на месте преступления буквально в считанные минуты, грабители всегда успевали скрыться.

Впрочем, для себя Саврасов уже окончательно решил, что во всех эпизодах действовал одиночка. Если бы в грабежах участвовала группа из двух-трех человек, они прихватывали бы в магазинах гораздо больше товаров, а не столько, сколь-

ко может унести один человек.

После первого ограбления Саврасов поручил заниматься им молодому сотруднику своего отдела — лейтенанту Мише Петухову. Но тут, как из обоймы, еще три налета на магазин. Уже после второй кражи Романенко приказал Саврасову лично возглавить оперативную группу...

— Это ж надо придумать так магазины строить, — искренне возмущался Миша Петухов. — Сплошное стекло. Взял кирпич побольше — и никаких преград для тебя не существует.

— Это ты прав, старик, — без тени улыбки поддержал Саврасов юного лейтенанта. — Современная архитектура никак не хочет учитывать наши с тобой интересы. Нам ведь что хочется! Чтобы ворюга в поте лица добывал свой хлеб. А тут шарханул бульжником — и витрины нет. Хоть на машине в магазин въезжай. Так что, Миша, тут ты тонко подметил...

Уже не скрывая улыбки, Саврасов обвел взглядом своих сотрудников.

— И вообще, граждане, не пора ли нам принципиально ставить этот вопрос! Если уж ты строишь магазин, так чтоб стены — в пять кирпичей, не меньше, двери бронированным листом обшей, а окна вообще не нужны. Пока ворюга такую «крепость» брать будет, наш Миша не только на машине — пешком успеет притопать.

Петухов улыбался вместе со всеми: раз начальство шутит — значит, не сердится. А сердиться на Мишу было за что.

«Наутро после последнего ограбления, происшедшего в ночь на 13 сентября Саврасов с Петуховым вылезли из казарменных милицмейских «Жигулей» в магазин «Культтовары», занимавшего часть большого стеклянного «аквариума» под девятиэтажкой на проспекте Нефтяников. В тишине сумеречного осеннего утра Миша, еще толком не проснувшийся, чувствовал себя тоскливо и одиноко. Вернее сказать, эти ощущения охватили его едва они вылезли из теплой, тесной машины и очутились на широкой безлюдной улице перед черным зияющим провалом в стеклянной стене. Тротуар перед

разбитой секцией витрины был словно припорошен снегом: стеклянная пыль по-зимнему искрилась в свете уличных фонарей и похрустывала под ногами. Именно она всякий раз заставляла грабителя оставлять по себе «памятку», вернее, нечто вроде «автографа» — отпечатки обуви, достаточно ясно отпечатанные на тонком слое стеклянного порошка. Каждый раз рисунок подошвы оказывался иным, а вот размер обуви оставался неизменным.

В магазине их ждала заведующая — нервно позевывающая молодая блондинка с наскоро нарисованным лицом. Она с интересом взглянула на почти двухметрового бравого Саврасова, и когда тот попросил напомнить, какие товары похищены, с кокетливым сожалением начала перечислять:

— Стереоманитофон «Вега», транзисторный телевизор «Электроника», фотоаппарат «Зенит». Вроде бы все...

— «Зенит» в футляре или без?.. — уточнил Саврасов.

— В футляре... Вернее, в нижней его половине, к которой крепится плечевой ремешок.

— Вот именно! — словно про себя пробормотал Саврасов и направился к витринам, чтобы посмотреть, где и как лежали похищенные вещи. Он подозвал Петухова и на ходу, переходя от секции к секции, объяснил ему задание.

— Придется, старик, тебе сегодня поработать. Обойдешь все квартиры в этом доме, потолкуешь с народом. Вдруг что-то слышал или, чем черт не шутит, что-то видел интересное для нас.

Заметив тень сомнения в глазах лейтенанта, Саврасов остановился:

— Поверь, Миша, — наставительно сказал он, — далеко не все люди обладают таким отменным здоровьем и железными нервами, как мы с тобой. Некоторые даже страдают бессонницей и измученном любопытстве. Так что ты пройдешь все квартиры, не пропуская ни одной, даже если угрозишь на это целый день. Ну, естественно, с перерывом на обед...

Четырехэтажная громадина девятиэтажки приводила Петухова в уныние. Но он и сам прекрасно понимал, что эта, скорее физическая, нежели умственная, работа просто необходима. И не мудрствуя лукаво Миша направился в первый подъезд. Его немного мешало то обстоятельство, что на первом этаже, занятом под магазины, жилых квартир не было. Значит, не девять, а восемь этажей. Можно было бы исключить и те квартиры, окна которых не выходят на проспект Нефтяников, где была разбита прозрачная стена «Культтоваров», но он обещал Саврасову не пропускать ни одну квартиру: чем черт не шутит...

Свой обход Миша начал в половине седьмого, когда большинство обитателей квартир первого подъезда еще досматривали последние сны, и досрочное пробуждение отнюдь не создавало хорошего настроения. Однако интригующие вопросы молоденького милиционера сразу заставляли забывать о причиненных его ранним визитом неудобствах. Оказалось, что несколько человек примерно около часа ночи слышали звон разбиваемого стекла, однако узнать что-нибудь сверх этого от полусонных людей Мише не удалось.

ЧЕРЕЗ час Петухов начал «восхождение» во втором подъезде. На четвертом этаже он по уже отработанной «технологии» сначала позвонил в среднюю на площадке тридцать вторую квартиру, имевшую окна на проспект Нефтяников, пропустив тридцать первую, с окнами во двор. Подождав немного, он еще раз надавил пуговку звонка, но дверь так и не открылась. Тогда он вернулся к тридцать первой.

То, что открывшая ему дверь молодая женщина красива, Миша отметил сразу. Ему все понравилось в ней: и эти пышные темно-каштановые волосы, волной падающие на плечи, и эти полные, чуть приоткрытые от удивления губы, и небольшая прямая нос, и карие вопрошающие глаза под разлетом темных, прихотливо изогнутых бровей. Тонкий темно-синий свитер и расцелешенная юбка из шотландки, скрещенная по косой, давали вполне отчетливое представление о ее стройной фигуре.

— Извините за вторжение, — сказал Петухов, стараясь за подчеркнутой галантностью скрыть смущение, — но вынужден потревожить вас в столь ранний час.

— Ну раз вынуждены, то тревожьте, — улыбнулась хозяйка, пригласив лейтенанта войти.

— Видите ли, сегодня ночью был ограблен магазин «Культтовары», что под вами...

— Магазин ограблен!! — переспросила женщина, и Петухов увидел в ее глазах уже знакомый по предыдущим встречам с обитателями этого дома огонек любопытства. — Интересно... Впрочем, извините, что я болтаю. Чего уж тут интересного...

— Да нет, ничего, — поспешил успокоить ее Миша, — это нормальная реакция на события такого рода... Произошло это около часу ночи. Правда, ваши окна во двор выходят, но может быть, вы слышали что-нибудь?..

Женщина хотела что-то ответить, но в это время приоткрылась дверь одной из комнат, и в прихожую высунулась головка маленькой девочки с такими же длинными и вьющимися, как у женщины, волосами.

— Мама, это он за кем! — Глаза девочки излучали нескрываемое любопытство.

— За тобой. Мне надоели твои фокусы, и я вызвала милицию, — сердито сказала женщина, метнув на дочь суровый взгляд. Девочка ойкнула и захлопнула дверь. Хозяйка квартиры улыбнулась и, подойдя к спальне, поплотнее прикрыла дверь.

— Спать мы с Аллочкой ложимся рано и к часу ночи уже десятые сны видим, — негромко сказала хозяйка квартиры, словно боясь, что эти слова услышит дочь и разоблачит ее нехитрый обман.

— Понятно, — вздохнул Миша. Ему вдруг захотелось еще хоть на минуту задержаться в этой немного тесноватой, но уютной квартире, которая даже при беглом осмотре могла кое-что рассказать о своей хозяйке. Из небольшой прихожей шли двери во все комнаты. Дверь в гостиную была открыта, и Миша мог видеть там полки с книгами, прибитые к стене колонки стереоспроигрывателя. Двери ванной и туалета украшали изображения косматого льва и зеленой симпатичной лягушки. Заметив, что женщина выжидающе смотрит на него, Петухов спешно повернул к выходу. Уже переступив порог, он вдруг вспомнил.

— Не подскажите, ваши соседи из тридцать второй куда не уехали?

— Нет, нет, — заверила женщина. — Здесь живет один старичок, Александр Иванович. Он в это время уходит за молоком и относит его своей дочери. У нее близнецы, совсем еще крохи, вот дед и старается для внуков. Он, наверное, скоро вернется.

«Зайду на обратном пути», — решил Миша, направляясь на пятый этаж.

Однако вспомнил он о старике только тогда, когда, вконец измотанный, возвращался в отдел, уютно устроившись в полугустом троллейбусе на мягком сиденье у окна. «Ну уж нет, — думал он, вспоминая свое бесполозное путешествие по девятиэтажке, — возвращаться туда я не буду: один старик ничего не убавит, не прибавит».

Петухов и не предполагал, что уже через два дня из-за этого старика он будет краснеть и потеть под уничтожающим взглядом Саврасова и клясть себя за легкомыслие.

Старик из тридцать второй квартиры через два дня сам явился в горотдел и предстал перед Саврасовым. Начальник уголовного розыска не перебивал посетителя, который долго и сбивчиво объяснял, что сходить в милицию ему посоветовала соседка Валентина из тридцать первой квартиры, и что он приболел и не сразу мог выйти на улицу, и что у него бессонница, и в ночь на 13 сентября он почти не спал. А Саврасов вдруг понял, почему тушется этот уже поживший и гонимый беды человек: он считает слишком незначительным то, что может рассказать милиции. А пришел он потому, что в его жизни уже давно не происходит ничего хоть сколько-нибудь интересного.

— Я знаю, что в ту ночь ограбили «Культтовары» под нами, — наконец перешел к делу старик. — Когда за полночь я услышал грохот и звон стекла, решил, что это местное хулиганье развлекается. Я даже подошел к окну, но, естественно, ничего не увидел. Зато слышал, как кто-то примерно через минуту пробежал по битому стеклу, сел на велосипед и укатил.

— Стоп, стоп! — перебил его Саврасов. — Какой велосипед! Вы же ничего не видели!

— А я и не говорю, что видел. А это слышал отменно, как он оседлал велосипед и покатил. Я форточку, доложу вам, всю ночь не закрываю, только утром, когда на проспекте много машин появляется...

«А ведь верно, — думал Саврасов, — иной ночью в тиши»

не не то что велосипед, птичий полет услышать можно».

— И куда же он, по-вашему, покатил? В какой конец проспекта! — с нарастающим интересом спросил он у старика.

— В сторону бульвара Гагарина, — уверенно ответил тот. Так в деле об ограблениях магазинов появился велосипед, а Миша Петухов получил вздрочку от своего сурового, но незлопамятного начальника.

«Значит, велосипед, — подумал Саврасов, едва за стариком с проспекта Нефтянников закрылась дверь кабинета. — Даже если патрульная машина запаздывала только на полминуты, он успевал укатить довольно далеко. Поэтому-то и собака не могла взять след. Ах ты, зараза хитроморда!»

Саврасов уважал и любил свое дело. На первый взгляд жестковатый, немного ироничный, он всегда был романтиком, остался им и в свои тридцать два года. Ему нравились, когда его называли сыщиком, — не любил, если кто-то — будь то коллеги и тем более посторонние — пытались лишить его профессию романтического ореола, который так изумительно, но и не бескорыстно поддерживают вокруг сыщичьего дела литература и кино. Назерное, поэтому он и был хорошим сыщиком.

Эти четыре ограбления оставались саднящей язвой на его самолюбии. Чем дольше он думал об этом, тем яснее понимал, что простота, с которой совершалось ограбление, лишь мажущаяся. На деле же — точный, едва ли не по секундам, расчет.

«Стоп. А на чем, собственно, построен расчет этого «укротителя велосипедов?» — Подумав об этом, Саврасов тут же позвонил в «Культтовары» на проспекте Нефтянников и, узнав, что разбитые стекла еще не заменили, попросил немного подождать с этим делом».

В этот же день Саврасов договорился со всеми нужными службами о проведении следственного эксперимента. В восьмом часу вечера вместе с Петуховым он вылез из машины перед знакомой витриной «Культтоваров» с выбитым стеклом. На шее у него на длинном шнуре болтался спортивный секундомер. Заведующей магазином, встретившей его как старого знакомого, Саврасов объяснил, что от нее требуется по его команде включить сигнализацию. Потом зажал в руке секундомер и выжидающе посмотрел на Петухова. Тот замер в напряженной стойке. «Миш ты, борзой какой!», — усмехнулся Саврасов и, надавив головку секундомера, взмахнул рукой. Лейтенант размахнулся и от души «запустил» воображаемый кирпич в уже выбитую витрину магазина. «Сигнализация!!!» — рявкнул Саврасов, наблюдая, как Миша мчит к витрине, лихо перескакивает через стоящие на низких подставках вдоль наружной застекленной стены ящики с комнатными цветами и оказывается перед секцией радиотоваров. По магазину разлилась тревожная трель зонка. Еще несколько мгновений, и в руках лейтенанта касетный магнитофон «Весна». По заранее намеченному маршруту он метнулся в отдел фототоваров и быстро снял с полки «Киев». Фотоаппарат был без футляра, и обе руки Петухова теперь были заняты. Это ему немного помешало, когда на обратном пути из магазина он едва не свалил цветочный ящик. Выскочив на улицу и добежав до угла дома, Миша остановился и, отдуваясь, неторопливо зашагал назад.

— Ну как! — кивнула он на секундомер в руках Саврасова.

— Тебе, старик, надо менять профессию, — усмехнулся тот. — Уж больно лихо ты управлялся: всего тридцать пять секунд.

Стрелка секундомера все продолжала свой неторопливый бег по кругу, и наконец в дальнем конце проспекта послышалось уханье sireны. Разбрасывая сзади всплески маячка, к магазину мчалась патрульная машина.

— Три минуты, — констатировал Саврасов, досадливо морщась. — Для него это прорва времени...

Уже дома, лежа в постели, он вдруг подумал: откуда этот «велосипедист» знал, что у него есть эти три минуты? А ведь знал, иначе бы раз за разом не лез так нагло с кирдочком на витрину. Думая об этом, Саврасов вдруг почувствовал некое неудобство, дискомфорт. Это был верный признак того, что он сегодня что-то не успел или забыл сделать. Он с ходу попытался вспомнить, какие из розыскных мероприятий, намеченных им, остались нереализованными. Во всяком случае, розыска велосипеда, на котором «вояжировал» по магазинам грабитель, это не касалось. Сразу же после последнего залета на «Культтовары» он попросил участковых инспекто-

ров тех кварталов, куда ориентировочно направился после последнего ограбления преступник, заинтересоваться случаями кражи или пропажи велосипедов: возможно, грабитель пользовался краденными велосипедами и после каждой «ночной операции» бросал их.

Саврасов решил больше не думать о велосипеде, а проверить себя по другим линиям. И сразу вспомнил. Еще утром он собирался позвонить соседям, в горотделе Усть-Уральска и Ишиме, и попросить их проверить: не было ли у них чего-нибудь похожего. Хотел, да так и не позвонил: закрутился.

ПОСЛЕ утренней оперативки у Романенко Саврасов первым делом засел за телефон, не забыв перед этим отправить Петухова собирать «данные» с участковых насчет пропаж велосипедов. И в Усть-Уральске, и в Ишиме начальника старокримского уголовного розыска знали хорошо. Поговаривали даже, что есть «наверху» планы сделать Саврасова начальником горотдела в одном из этих городов. Отчасти, может быть, поэтому к просьбе капитана отнеслись со вниманием и обещали быстренько кавести справки и позвонить. Саврасов знал, что у соседей и без его просьбы забот полон рот, и потому не рассчитывал на быстрый ответ. Склонившись над палкой, в которой были собраны материалы «дела о трех минутах»: протоколы осмотра места происшествия, опроса свидетелей, заключения экспертиз, — он старался представить себе личность человека, к которому вот уже больше месяца было приковано его внимание. Сделать это капитан пытался уже не раз, и каждый новый налет на магазин помогал Саврасову «вычислить» что-то новое в характере «укротителя велосипедов». Это было нечто среднее между известным антропологом Герасимозом, по костям черепа воссоздающего внешний облик человека, чьи кости остались единственным «документом» его пребывания на земле. Сейчас Саврасов для себя уже определил, что имеет дело не просто с новичком, а, вероятнее всего, молодым человеком. О том, что ограбление «Культтоваров» — лишь первая проба сил, говорила не только сверхосторожность преступника. Рецидивист не будет трепать себе нервы из-за одного магнитофона и фотоаппарата. Это молодость о нервах еще мало что знает. У «укротителя велосипедов» была своя логика: надо брать понемногу, зато почти без риска.

Эта холодная расчетливость, казалось, не укладывалась в само понятие молодости. Впрочем, в своей практике ему не раз доводилось сталкиваться с «мальчишками» и «девочками», к восемнадцати-двадцати годам уже вполне освободившимся не только от многих духовных потребностей, но и общепринятых «условностей» нравственного порядка. Он жалел их и презирал. Он был уверен, что нельзя подлость, цинизм в молодом человеке оправдывать влиянием улицы, неблагополучной семьи, никудышними педагогами. Человек с молодых ногтей волен выбирать не столько, кем быть, сколько, каким быть. Он не находил никаких изъянов в этой своей позиции и при случае напоминал себе: «Я — сыщик, а не Макаренко, и мне некогда возиться со всякой швалью».

— Ну, друг мой Миша, чем порадуешь! — спросил капитан, откладывая в сторону бумаги.

Лейтенант снял и встряхнул намочшую под дождем шинель, платком вытер мокрое лицо и неторопливо подошел к столу Саврасова.

— Есть ли тут чему радоваться или нет — я не знаю, Валерий Андреевич, но кое-что есть.

Миша вынул небольшой блокнот в синем переплетке и, прежде чем открыть его, многозначительно похлопал по обложке.

— Можно подумать, что ты мне сейчас адрес преступника сообщишь, — усмехнулся капитан.

— Ну не адрес, — развел руками Миша, — но нечто похожее. Так что разрешите доложить, товарищ капитан, велосипеды прут у населения довольно-таки часто. Правда, следуя вашим ценным указаниям, я прежде всего интересовался теми велосипедами, которые быстро нашлись. Так вот, трижды такая ситуация повторилась в двухсотом квартале: велосипеды пропадали, но скоро их находили брошенными в кустах или просто под забором.

— А что ж, друг мой Миша, — после некоторого раздумья сказал Саврасов, — возможно, это в некотором роде и адрес. Во всяком случае, в этом районе надо будет похот-

дять, понюхать. А пока велосипеды не мешало бы посмотреть. Пальцев нашего героя мы на них вряд ли найдем, вот педали стоит посмотреть.

— Стекла пыль должна остаться, — закончил мысль своего шефа Миша.

— Ты адреса-то владельца велосипедов не запомнил, а?

— Обижаете, гражданин начальник, — улыбнулся Петухов.

Когда Саврасов со своим помощником совсем было уже собрались отправиться в столовую, телефон разразился длинной трелью междугородного звонка. Саврасов услышал в трубке голос своего коллеги Фаттахова из Усть-Уральска:

— Ничем не обрадую, Валерий Андреевич. Посмотрели дела за последние три года — ничего похожего. Правда, нынешним летом рассадили одну витрину у «Культураров», но это — чистой воды хулиганство: ничего похищено не было.

— Хулиганов-то хоть задержали! — поинтересовался на всякий случай Саврасов.

— Да взяли одного оболтуса. Он что, тоже тебя интересует?

— Меня все интересует, друг мой Фаттахов, — сказал Саврасов. Помолчав в раздумье, добавил: — Не в службу, а в дружбу, наведи-ка ты мне справки об этом вашем оболтусе: где он сейчас, чем занимается! Кстати, что за тип! Сколько лет!

— Знаешь, Валерий Андреевич, — после короткой паузы отозвался Фаттахов, — если не возражаешь, я тебе сразу все и сообщу, когда наведу справки. А то протокола под рукой у меня нет, так что...

— Возражений нет, — охотно согласился Саврасов. — Когда позвонишь!

— Шустрый ты больно, Валерий Андреевич, — заворчал в своем далеком Усть-Уральске Фаттахов. — Думаешь, мы тут без дела сидим! Ничего подождешь... до вечера или до завтра.

— Об чем речь! — обрадовался Саврасов, ничего не ведавший о своем гипотетическом повышении по службе и потому несколько удивившийся покладистости своего коллеги из Усть-Уральска. — Конечно, подожду... до вечера.

Ближе к вечеру Саврасов уже не выходил из своего кабинета, опасаясь прозевать звонок из Усть-Уральска. Чего он ждал от этого звонка, капитан и сам не мог толком себе объяснить. Правда, теплилась в душе слабенькая надежда, что разбитые витрины в Старохолмске и Усть-Уральске как-то связаны между собой, но уверенности в этом у Саврасова не было ни малейшей. А вот эксперты давали ему в руки нечто более реальное. Заглянув полчаса назад в лабораторию, он узнал, что на педалях одного из краденых велосипедов обнаружена стеклянная пыль. А это значит, что район обитания преступника теперь более или менее известен.

Фаттахов позвонил, когда Саврасов совсем уже было собрался домой.

— Ну слушай, что тут я для тебя раздобыл, — сказал начальник Уральского угрозыска после недолгих препираний по поводу того, кто у кого теперь в долгу. — Интересующую тебя личность зовут Михаил Пашкин. В этом году закончил десятилетку, летом пытался поступить в авиационный институт, но, видно, силенок не хватало. До недавнего времени проживал с родителями, но после ссоры уехал от них...

— Извечный конфликт недоумков-отцов и не по годам развитых детей!

— Не совсем. Родители, чтобы подогреть интерес не слишком прилежного сына к высшему образованию, обещали в случае его успеха на вступительных экзаменах оплатить ему поездку на юг. Экзамены Миша благополучно завалил, но от идеи съездить на юг не отказался. Папаша с мамашей, естественно, в кредит сыну отказали. А тот, оказывается, к морю собирался не один, а с какой-то девицей. Словом, поскандалил Миша с родителями и отправился пожить к тетке, где сейчас и обитает.

— А чем он хоть сейчас занимается! — уже без особого интереса спросил Саврасов.

— А уж это ты, Валерий Андреевич, сам выясняй, — не без яда в голосе ответил Фаттахов. — Тетка-то его в Старохолмске живет, так что он теперь под твоим крылышком устроился.

— В Старохолмске, говоришь!! — снова воспрянул духом Саврасов. — Это уже интересно и даже более того... Адресок теткин случайно не записал!

— Я, дорогой мой, все записал, чтобы отвязаться от тебя раз и навсегда.

— А я, Марат Фаткулович, с удовольствием продолжу наше сотрудничество. Приятно иметь дело с толковыми людьми.

— Ладно, записывай, — буркнул Фаттахов. — Волочаевский переулок, три, квартира семнадцатая. Пашкина Клавдия Ивановна. Живет одна, бездетная вдова.

Попрощавшись с Фаттаховым, капитан внимательно просмотрел листок с записями. И главным в них был адрес. Саврасов отлично знал город и сразу вспомнил, что Волочаевский переулок находится в двухсотом квартале. Версия, поначалу казавшаяся слишком умозрительной, вдруг стала обретать вполне реальные черты.

Саврасов посмотрел на часы: скоро восемь. Если на машине заскочить домой, быстренько переодеться в штатское и сразу в Волочаевский переулок, то к половине девятого он будет на месте. Поздновато, конечно, для визита, но если найти подходящий предлог... «Что-нибудь придумаю», — решил Саврасов, вызывая по телефону машину.

НАДАВИВ кнопку звонка, Саврасов услышал, как за дверью, только что выкрашенной грязно-коричневой краской (в подъезде шел ремонт), раздалась звонкая трель. Он прислушался, но в квартире не раздавалось больше ни звука. Он еще раз потревожил звонок без особой надежды на успех: видимо, в квартире никого не было. Капитан уже направился к выходу на улицу, когда услышал, как за его спиной вдребезг щелкнул замок. Он обернулся: в дверном проеме стояла полная седая женщина и выжидающе смотрела на него сквозь толстые стекла очков. Саврасов поспешил назад.

— Клавдия Ивановна!

Старуха, все так же внимательно глядя на Саврасова, молча кивнула головой.

— Я из агитпункта, мы составляем списки избирателей...

Он еще не успел договорить, а старуха уже повернулась к нему спиной и скрылась в квартире. Поскольку дверь оставалась открытой, капитан это воспринял, как приглашение войти. Хозяйка квартиры действительно ждала его в прихожей, и как только за Саврасовым закрылась дверь, с чуть виноватой улыбкой сказала:

— Если вам, молодой человек, не трудно, говорите громче: я плохо слышу.

Через минуту капитан уже сидел за столом в гостиной и записывал в блокнот данные о хозяйке квартиры для мифического списка избирателей.

— Насколько мне известно, — наконец сказал Саврасов, — с вами проживает молодой человек. Квартирант!

— Ну что вы! — почему-то всполошилась старуха. — Это мой племянник, Миша. Он даже прописан у меня. Вот...

Она торопливо сползла со стула и, по-утиному переваливаясь на старых ногах, направилась к платяному шкафу. Распахнув левую дверцу, приподняла на верхней полке кипу глаженного постельного белья и достала старый потертый бу-мажник.

— Вот, взгляните, молодой человек, — она протянула Саврасову темно-вишневою книжечку паспорта. — А то ведь соседь бог знает, что могут наговорить...

Капитан сразу же нашел страничку, на которой была приклеена фотография владельца паспорта. Его лицо Саврасову даже понравилось: спокойный, не по возрасту взрослый взгляд, в уголках тонкого губного, четко очерченного рта таилась ироническая усмешка.

— Не волнуйтесь! Все в порядке! — громко сказал капитан, возвращая женщине паспорт. — Чем ваш племянник занимается? Учится? Работает?

— Учится пока... на курсах каких-то. Специальность хорошую выбрал: будет ремонтировать приемники, магнитофоны, а может, и телевизоры. Сейчас этого добра в каждом доме полно...

Саврасов напрягся. Стараясь не выдавать своего интереса к этой теме, по-прежнему спокойно и громко спросил:

— Ну и как! Нравится ему это дело!

— А что же не нравится-то. Сколько он этих приемников, магнитофонов перетаскал домой... Видно, в ремонт брал.

«Тихо, не суетись», — успокаивал себя Саврасов, чувствуя, как от волнения вспотели ладони. — Это ничего еще не значит. Все может оказаться нелепой целочкой совпадений... Сейчас бы сбых — наверняка все бы стало на свои места.

Тут он вспомнил последние слова хозяйки и счел нужным уточнить:

— Он что, уносил вещи обратно!

Глаза старухи за толстыми стеклами очков непонимающе заморгали.

— Так я ж и говорю: видно, в ремонт брал, потом людям отдавал...

«Вот тебе и обыск! — подсадовал про себя капитан. — Если это он — только спугнули бы».

И все-таки Саврасова не покидала теперь уверенность в том, что он наконец вышел на «укротителя велосипедов». Ясно, что в квартире ничего нет: видно, где-то склад устроил. А нет вещей — нет и доказательств. Можно, конечно, взять обувь на экспертизу, но это будет только косвенная улика. А у него к тому же стопроцентное алиби: ведь тетка-то на верняк не слышала, как он уходил и приходил по ночам. «Но ничего, — усмехнулся Саврасов, — улики ты нам сам на блюдечке принесешь. Коль ты вошел во вкус, сразу не остановишься. Ты же думаешь, что ты умнее всех, что у тебя железная воля: еще бы, не побоялся расколотить витрину там, в своем Усть-Уральске, чтобы подсчитать, через сколько минут патрульная машина может появиться у магазина. Все-то ты подсчитал и рассчитал, но когда я тебя возьму, то на одном из допросов обязательно расскажу о том, как и не такие «математики» попадались».

— А где он сейчас, ваш племянник! — вдруг спохватился капитан.

— А бог его знает, — развела руками старуха.

В этот же вечер за квартирой Пашкиной было установлено наблюдение. Но ни этой, ни следующей ночью племянник не покидал дома. Неужели все-таки глупое, нелепое совпадение, вдруг кольнуло однажды Саврасова. Конечно, ничего страшного в этом нет: просто еще одна версия оказалась несостоятельной. И все-таки всегда жаль времени и сил, затраченных впустую. А когда на пятый день после начала наблюдения в квартире Саврасова раздался звонок телефона и ему сообщили о том, что в ноль часов сорок минут Михаил Пашкин вышел из дома номер три и направляется в сторону сквера имени Пушкина, он почувствовал огромное облегчение.

ПАТРИЦИЯ МАК ГЕРР КЛАССИКИ и ПРЕСТУПНИКИ

Художник С. Григорькин

СОЛНЕЧНЫЙ луч проник в комнату сквозь плотные шторы и коснулся лица старушки, мирно дремавшей в большом металлическом кресле. Миссис Муз подняла голову, улыбнулась и, легонько касаясь руками одетых резиновых колес, подъехала на своей коляске к окну, раздвинула шторы и выглянула на улицу. Всю ночь лил дождь, и мокрая изгородь, стоящая вдоль дороги, напротив ее дома, теперь ярко блестела, как будто ее только что покрасили. Возле дома была лужайка, ее основательно разрыли, и какая-то женщина, в коричневом пальто и сером берете, покачиваясь на высоких каблуках, осторожно ступала по жердочкам, перекинутым через канавы. Плотный мужчина, в кожаном пальто и атласной шляпе, прошел по противоположной стороне улицы и, оглянув лужи, свернул в аллею, петлявшую между домами. Разбрызгивая грязь, пробежали ребяташки. Они торопились в школу, что недавно выстроили поблизости от ее дома. И так каждый день — и все куда-то идут, спешат... Все, кроме нее.

Старушка на минутку закрыла глаза, вспоминая, как тут все было лет тридцать назад. Небольшие домики, привычный круг друзей и соседей... Но один за другим люди умирали

Уже сидя в «Волге», оборудованной радиотелефоном, Саврасов узнал, что племянник, забрав в сквере спряганный велосипед, сейчас направляется в сторону микрорайона «Старая поляна».

— Что там может его интересовать! — спросил он.

— Там есть «Обувь», «Ткани», хозяйственный. Но, судя по его «пристрастиям», это магазины «Спорт», где есть отдел радио- и фототоваров.

— Тоже стекляшка!

— Она, проклятая, — засмеялись в машине, ведущей на блюде.

— Едет належке!

— Належке. Только на багажнике какой-то бумажный пакет...

— А как же, — усмехнулся в трубку капитан, — его инструмент.

— Это какой еще инструмент, Валерий Андреевич! — спросили из головной машины.

— Обыкновенный, — не без ехидства ответил Саврасов, — кирпич называется...

...Когда в глаза выскочившего из разбитой витрины высокого худого парня ударил слепящий свет четырех автомобильных фар, он вдруг замер, будто парализованный, не сделав ни малейшей попытки к бегству, словно эта стена света была для него непроницаемой. Через несколько мгновений голова его упала на грудь, а из повисших, как плети, рук, глухо хряснувших об асфальт, вывалились два дорогих транзистора.

По дороге в горотдел Саврасов, сидевший сзади рядом с задержанным, почти по-приятельски спросил его:

— Для начала скажи: через сколько минут появилась патрульная машина там, у тебя в Усть-Уральске, когда ты расколошматил первую витрину!

— Через четыре минуты, — едва слышно ответил Пашкин.

— Что-то долго они у вас там ездят, — ухмыльнулся Саврасов. — У нас, как видишь, быстрее.

Немного помолчав, он снова повернулся к задержанному:

— Ты, я знаю, на юг собирался. Так я приготовил для тебя самую теплую камеру...

или разъезжались, их дома шли под снос, уступая место высотным зданиям, платным стоянкам, торговому центру. Да и ее дом уже не тот. Четыре года назад, после смерти мужа, миссис Муз перестроила мезонин и сдала его, оставив за собой первый этаж. Удачная переделка и, главное, своевременная. По крайней мере, полечке стало с деньгами, и отпала необходимость лишний раз карабкаться по ступенькам. И еще — в доме появились живые люди. Миссис Муз мало общалась с ними, но знала, что они где-то рядом, и от сознания этого на сердце становилось спокойнее. Одним мезонинном убила трех зайцев. Старушка снова улыбнулась и решила, что про зайцев она подумала потому, что из окна ее кухни был виден лес. Глядя на лес, миссис Муз, прикованная артритом к креслу, могла наблюдать, как осень сменяет лето, а вслед за нею приходит зима... Она с сожалением говорила себе, что рано или поздно деревья срубят, белки, птицы и прочая жизнь исчезнет, а там, где сейчас стоит ее дом, люди, набившиеся в коробки из стекла и бетона, будут парковать свои автомобили.

Миссис Муз отмахнулась от докучных мыслей и снова взглянула в окно. Солнечные лучи пронизывали редеющие облака. День, не подходящий для уныния. Тут она вспомнила, что сегодня к тому же вторник, и ее настроение сразу поднялось. По вторникам приезжала передвижная библиотечка, и какая бы ни была в этот день погода, она всегда становилась для нее праздником. Но старушка любила вторники не только потому, что в эти дни ей привозили почитать чего-нибудь свеженького. Конечно, она вряд ли смогла бы стерпеть свою тягостную неподвижность без любимых книг. Как часто она забывалась, поглощая страницу за страницей увлекательный роман или захватывающий бестселлер. Но гостем, все же более желанным, чем книги, была для нее Анна Шелдон — девушка, которая их привозила. Миссис Муз мечтала иметь дочь, похожую на Анну — такую же добрую и милую.

Опустив шторы, миссис Муз отъехала от окна. По радио передавали прогноз погоды. Затем послышались первые та-

ты симфонии Моцарта, и она поспешила на кухню. Неловко передвигаясь в громоздком кресле на маленьком пятачке кухни, постелила на стол праздничную скатерть, положила салфетки и серебряные ложечки, поставила расписные китайские чашки с блюдцами и доверху наполнила сахарницу. Сварив крепкий кофе и разогрев булочки с корицей, испеченные накануне, миссис Муз наконец успокоилась и стала терпеливо ждать гостя.

Раньше Анна Шелдон приезжала утром, сразу после завтрака, но потом изменила график и стала навещать больную женщину в последнюю очередь. Закончив всю работу и никуда больше не торопясь, Анна могла с полчаса поболтать с миссис Муз. И вскоре визит библиотекаря стал для миссис Муз самым важным и радостным событием в жизни.

Старушка вернулась в гостиную. Четыре книги, приготовленные для возврата, лежали на своем обычном месте — на столике у двери. Она взяла верхнюю и принялась задумчиво листать ее. Это была «Жизнь королевы Виктории», которую ей порекомендовала Анна. Миссис Муз книга, в общем-то, понравилась, но с некоторыми оговорками, и она предвкушала живой и интересный спор, мысленно перебирая все «за» и «против», которые так хотелось побыстрее высказать Анне, тоже, как миссис Муз, души не чаявшей в книгах.

Она остановилась на одном проблематичном отрывке, когда резко прозвенел звонок. Анна пришла сегодня раньше обычного. Быстро положив книгу на столик, старушка поспешила к двери с радушной улыбкой на губах.

Но это была не Анна. В дверях стоял какой-то молодой человек с черным портфелем в руках. «Коммивояжер», — подумала миссис Муз, но его одежда — джинсы, темный свитер, высокие ботинки и коричневатый пиджак — как-то не вязались с привычным обликом развездного агента торговой фирмы. Прежде чем миссис Муз нашлась, что сказать, незнакомец оттолкнул ее коляску от двери и вошел.

— Что вы делаете! — старушка обеими руками вцепилась в колеса, пытаясь остановить кресло. — Кто вы такой!

— Тихо, бабуля, — незнакомец захлопнул дверь и прислонился к ней спиной, настороженно прислушиваясь.

— Немедленно выйдите отсюда! — потребовала миссис Муз. — Кто вам позволил врываться в мой дом!

— Вот эта игрушка, — из кармана пиджака показался короткоствольный пистолет.

— Нет! — сдавленно прошептала миссис Муз. Негодование сменилось ужасом. — Что!.. Чего вы хотите!

— Делай, что тебе говорят, и с тобой ничего не случится. Кто здесь есть, кроме тебя! — посетитель говорил отрывисто, словно даял.

— Никого нет. Я живу одна.

— Неужели! — он скептически смерил взглядом ее коляску. — Посмотрим. — И толкая кресло перед собой, неторопливо проследовал в небольшой коридор, который вел в спальню и ванную.

Миссис Муз отчаянно пыталась вспомнить номер телефона полиции. 911, точно. Вот если бы удалось... Но раньше, чем она успела подумать об этом, незнакомец подошел к телефону, выдернул шнур из розетки, постоял некоторое время с аппаратом в руках, размышляя, каким образом обезопасить себя от возможных неожиданностей. Наконец он принял решение, ухмыльнулся и, взгромоздившись с ногами на стойку, упрятал аппарат подальше на антресоли.

— Так-то будет лучше, — пробурчал хозяйничающий гость. — Меньше соблазнов — легче жить. А что за комнаты там, дальше!

— Столовая и кухня.

Он быстро осмотрел их и, удовлетворенный, вернулся. Оружия в руках у «коммивояжера» уже не было, но карман пиджака многозначительно оттопыривался.

— Ладно. А что наверху!

— Там отдельная квартира. Я сдаю ее молодоженам. Оба сейчас на работе.

— Значит, мы с тобой здесь одни, — тонкие губы посетителя скривились в подобии улыбки.

Он стоял прямо перед креслом, и миссис Муз имела возможность хорошо рассмотреть его. Невысокого роста, крепко сбит; с маленькими бегавшими глазками, перебитым, как у боксера, носом.

— Кажется, я удачно попал. Неплохое местечко. Пожалуй, здесь можно остаться.

— Остаться! Зачем вам здесь оставаться! Если вам нужны деньги, у меня есть немного...

— Да сиди уж, старая. Я и так «нагрузился»... — Незнакомец благодушно похлопал ее по плечу, взял свой портфель и бережно поставил на стол, рядом со стопкой книг. Щелкнул замком, некоторое время самодовольно любовался содержимым, затем широко раскрыл портфель и сунул под нос миссис Муз. Она невольно ойкнула — портфель был доверху набит деньгами в новых банковских упаковках.

— Глянь-ка сюда! — торжествующе воскликнул посетитель. — Если ты будешь гостеприимной хозяйкой, я оставляю тебе сотенку-другую «на чай».

— Вы... Вы украли эти деньги!

— Прямоком из Первого Национального банка!

Он присел на стул рядом с коляской и поставил портфель между ног.

— Зачем вы пришли сюда! Что вы от меня хотите! — дрожащим голосом спросила миссис Муз.

— Мне нужно отсидеться. Как только стемнеет, я уйду.

Он устало откинулся на спинку стула и шумно вздохнул. Глаза у него слипались.

«Может, уснет, — пронеслось в мозг миссис Муз. — Если бы он уснул и если бы я добралась до телефона в спальне...» В наступившей тишине стало отчетливо слышно радио. Музыка закончилась, и диктор начал объявлять последние новости.

«...Сегодня утром в одном из отделений Первого Национального банка было совершено ограбление. Незнакомый, вооруженный пистолетом, убил одного из охранников и скрылся. Как только будут получены дополнительные сведения, мы сообщим их нашим слушателям».

— Вы кого-то убили! — воскликнула миссис Муз.

Незнакомец открыл глаза.

— Идиот, поднял тревогу и чуть не испортил все, — раздраженно сказал он. — Я собирался скрыться в лесу, но полицейские ищейки перекрыли дорогу. Счастье, что я попал сюда. Эй, как это понимать! — что-то происходящее за окном неожиданно привлекло внимание гостя. — Ты будешь когонибудь!

Миссис Муз выглянула в окно и увидела знакомый зеленый фургончик, приближающийся к дому.

— Это передвижная библиотека, — тихим голосом пронесла она.

— Чего!

— Библиотечка на колесах для тех, кто не может ходить. Такой сервис.

— Сервис, — зло передразнил налетчик. — Бред какой-то. Анна остановила машину на противоположной стороне улицы, возле изгороди, вышла из кабины и обошла фургон сзади, чтобы взять необходимые книги. «Она не должна подвергаться опасности, — смятенно думала миссис Муз. — Ох, если бы я могла подать ей хоть какой-нибудь знак...»

— Цыц, — сказал посетитель. — И не вздумай вопить, если не хочешь последовать на тот свет за тем полицейским. Когда эта библиотекарша позволит, сиди и не шевелись, пока она не уберется отсюда.

— Да, да, я буду сидеть тихо, — пообещала миссис Муз. Она попыталась скрыть радостное облегчение от мысли, что Анна будет в безопасности.

— То-то же, — он подумал, испытующе посмотрел на старушку и внезапно спросил. — А эта, на фургончике, часто навещает тебя!

— Раз в неделю. По вторникам.

— И ты всегда дома! Хм, а где же еще. Не вышла же по купкам. Если ты не откроешь, она, пожалуй, задохрится неладное и поднимет шум. Ловкая старушенция! Думала, что сможешь надуть меня! Но я не какой-нибудь болван. Слушай внимательно. Ты встретишь ее как обычно. А меня представишь как... Постой, вот что, у тебя есть родственники, которые могли бы вдруг нагрянуть в гости!

— У меня есть влэмэшки. Я ей часто рассказывала о нем.

— Пойдет. И не вздумай умиляться, я буду стоять прямо тут.

Он встал напротив двери и демонстративно засунул правую руку в карман.

— И еще, если сделаешь хоть одно неверное движение или попытаешься что-то ей сообщить, она никогда больше не выйдет из твоего дома. Понятно!

— Д-да, я сделаю все так, как вы хотите, — миссис Муз судорожно сглотнула. — Вы — мой племянник Кассиас, здесь проездом.

— Что за дурацкое имя!
— Итальянское. Его мать — итальянка.
— Да ну! — осклабился новоявленный родственник. — Знает, придется прикидываться пожирателем макарон!
В дверь позвонили. Налетчик захихнул портфель под стул.
— Все в порядке. Открывай. Но помни, тетюшка, одно лишнее слово — и у вас обеих будут крупные неприятности.

МИССИС Муз подъехала к двери и открыла ее. Ей хотелось кричать, чтобы Анна скорее спасалась, но, чувствуя за спиной молчаливую угрозу, она проглотила готовые вырваться слова и приветливо улыбнулась.

— Доброе утро, миссис Муз, — бодро зазвенел голос девушки. — Как вы сегодня себя чувствуете?
— Прекрасно, дорогая. У меня гость.

Она раздвинула коляску и указала Анне на своего «опекуна», маячившего в глубине коридора. В какой-то момент у нее мелькнула мысль разогнаться и на полном ходу сбить преступника с ног. Но пуля летит гораздо быстрее, и ей придется подчиниться, чтобы не причинить Анне вреда.

— Ко мне приехал племянник, — продолжила старушка. — Кассиас, познакомься, это миссис Шелдон.
— Как хорошо, — улыбка озарила лицо девушки. — Вы надолго приехали, мистер Кассиас!

— Нет, — ответил «племянник», не вынимая руки из кармана. — У меня здесь кое-какие дела, и я подумал, почему бы не заглянуть к тетюшке.

— Убедена, вы ее очень порадовали.
— Разумеется, — воскликнула миссис Муз с энтузиазмом. — Я надеюсь, что он побудет у меня подольше, и я хоть немного откормлю его. Не правда ли, Анна, он выглядит слишком худым и проголодавшимся!

— Безусловно, я останусь на ленч, — сказал «племянник». — Ну что же мы вас задерживаем! — как бы спохватившись, быстро проговорила миссис Муз. — У вас ведь еще есть вызовы. Книги вон там, на столике. Надеюсь, вы принесли мне что-нибудь новенькое!

— Вот третья книга того самого английского ветеринара. Я помню, как тепло вы отзывались о двух его предыдущих трудах. И еще очень приличные детективы, — Анна положила книги на стол.

— Спасибо, дорогая, детективы я всегда читаю с удовольствием.

— Что вам привезти в следующий вторник?
— Я бы хотела перечитать какую-нибудь из пьес Шекспира. Можно «Юлия Цезаря».
— Обязательно привезу.

Анна собрала книги, уже прочитанные миссис Муз, и сказала, обращаясь к «племяннику»:

— Очень приятно было познакомиться.
— Взаимно, — улыбка налетчика походила на волчий оскал. — Жаль, что мы уже не увидимся в следующий раз.

Анна ушла. Стоя у окна, незнакомец провожал ее взглядом. Миссис Муз, затаив дыхание, ждала, когда послышится звук мотора. Сердце ее учащенно билось. «Племянник» отвернулся от окна, и она с облегчением вздохнула. Наконец-то, Анна была в безопасности.

— Ты все сделала как надо, — похвалил ее мнимый Кассиас. — Может прийти еще кто-нибудь!

— Сегодня нет.
— Тогда позаботься насчет перекусить. Ты чертовски верно подметила, что я голоден. Я сегодня еще не завтракал. — Он мотнул головой в сторону кухни. — Там есть что-нибудь съедобное!

— Вчера я жарила цыпленка. Можно подогреть.
— Вот именно. Холодный цыпленок хорош с пивом. Но у тебя его, конечно, нет.

— Боюсь, что вы правы.
— И к лучшему. Пить сегодня не стоит. — Он ухватился рукой за металлическую раму и с силой толкнул коляску по направлению к кухне. — За дело, бабка, потчуй героя.

«Герой» и впрямь был очень голоден. Он съел почти всего цыпленка, заедая его здоровенными ломтями хлеба с маслом, выпил три чашки кофе и уничтожил все булочки, приготовленные для Анны. Наевшись, он размяк и расслабился, но по-прежнему не спускал глаз с хозяйки.



— А ты почему не ешь! — спросил, когда уже ничего не осталось.

— Спасибо, у меня всегда плохой аппетит.
Они вернулись в гостиную послушать дневные сообщения по радио. Вскоре передали, что, по уточненным сведениям, охранник банка жив, доставлен в больницу и находится в тяжелом состоянии.

— Он сам виноват, — угрюмо бросил налетчик в ответ на осуждающий взгляд миссис Муз. — Посуди сама, сколько он доставил всем ненужных хлопот. Сам останется калекой, подвел под монастырь тебя, а обо мне и говорить нечего. А если бы не корчил из себя героя, ничего бы не было. Вот куда ведет человеческая глупость и гордость, учти, бабулька. Кстати, когда я соберусь уходить, можешь завернуть мне на дорожку остатки цыпленка.

— Да, да, конечно, — немедленно откликнулась миссис Муз.

«Когда я соберусь уходить...» — эти слова застряли у нее в голове. До наступления темноты еще несколько часов. А

когда стемнеет, есть ли гарантия, что он уберется со своими деньгами, не причинив ей никакого вреда. Если охранник умрет, его будут судить за убийство. Тогда зачем ему сохранять ей жизнь, ведь в суде, оставшись в живых, она будет свидетельствовать против него!

— Кто это такие! — незнакомец снова стоял у окна. Он повернулся и подозрительно поглядел на нее. — Ты же сказала, что сегодня никого не ждешь.

— Но я действительно никого не жду. Перед домом остановился грузовик. На борту была надпись — «Объединенная служба доставки».

— Может быть, привезли, что я заказывала в магазине, — предположила миссис Муз.

— Что же!

— Я не помню. Из кабины вышли двое мужчин, откинули борта и сгрузили на землю громоздкий предмет, обернутый в бумагу и перевязанный бечевой.

— Черт побери, что это такое!

Миссис Муз взглядела повнимательнее.

— Похоже, что это матрац.

— Ты что, заказывала матрац и забыла об этом!

— Нет, но они могли перепутать адрес.

— Ты в своем уме! Не думаешь ли ты, что они не уточняют адрес перед тем, как везти заказ.

Он подождал, пока прозвонит звонок.

— Ладно, открой и пошли их к черту.

Чувствуя спиной, что снова находится под прицелом, миссис Муз открыла дверь.

— Добрый день, мэм, — высокий мужчина в серой форменной куртке опустил на пол ношу и в знак приветствия прикоснулся рукой к кепке.

— Заказ Витманов, мэм. Квартира «Б».

— Это на втором этаже, — сказала миссис Муз. — Но днем их обычно не бывает дома.

— В самом деле! — грузчик нахмурился, потом заглянул в какую-то бумагу и, оживившись, сказал:

— Здесь написано, что заказ можно оставить у леди внизу. Это, должно быть, вы. Если не возражаете...

— Минуту, — возразил налетчик из-за спины миссис Муз. — Вы не имеете права загромождать ее квартиру. Привезете это в следующий раз, когда хозяева будут дома.

— Да ничего особенного, — прервала его миссис Муз. — Я просто оставляю у себя вещи Витманов.

— Как хотите, — безразлично ответил один из грузчиков.

— Если вы против, я позвоню в магазин, и пусть они там сами решают, что делать. У вас есть телефон!

— Есть, но...

— Ладно, — нервно перебил ее преступник. — Нет нужды из ничего делать проблему. Пусть заносят эту чертову штуковину.

— Простите, мэм, — грузчик в серой куртке приподнял матрац и поставил его стоймя. Неожиданно для самой себя миссис Муз оказалась оттертой в угол и отгороженной от налетчика заказом, занявшим полкомнаты. Она внезапно подумала, что сможет шепнуть что-нибудь второму грузчику. Пока она лихорадочно пыталась сообразить, как это лучше сделать, за матрацем раздались возня и сдавленные проклятья. А потом спокойный и повелительный голос произнес:

— А ну-ка, парень, быстро вынь руку из кармана! Так, хорошо. А теперь подними обе руки вверх!

Миссис Муз развернула коляску и выглянула из своего убежища. Налетчик стоял, высоко подняв руки над головой. Один из «грузчиков» держал его на прицеле, а второй, в кепке, вытаскивал пистолет из кармана бандита и мастерски щелкнул наручниками.

— Вы... — миссис Муз с восторгом смотрела на них. — Вы из полиции!

— Так точно, мэм. Сержант Клири и агент полиции Уильямс. — Полицейский участливо посмотрел на нее. — У вас все в порядке!

— Сейчас да, — она поднесла руку к горлу. Было трудно дышать. Ужас, так долго державший ее в напряжении, внезапно исчез.

— Может быть, вызвать врача!

— Нет, нет, сейчас все пройдет, — миссис Муз еще раз коснулась взглядом своего непрошеного «гостя». Обезоруженный, в наручниках, он выглядел между двумя полицейскими раздавленным и жалким.

— Ну что, пошли в полицию. Там тебе будут рады. — Клири обвел взглядом комнату и остановился на черном портфеле. — И этому тоже. — Он поднял портфель с пола и повернулся к миссис Муз. — Кое-кто, мэм, хочет навестить вас чуть позже.

Арестованный покорно последовал за полицейскими, Сержант заговорил с кем-то за дверью.

— Все в порядке, мисс.

Анна Шелдон вбежала в комнату, опустила на колени рядом с коляской миссис Муз и сжала ее руки в своих.

— Он не причинил вам никакого вреда, правда! — спросила она.

— Он только напугал меня, — слабо улыбулась миссис Муз. — Я рада, что вы вернулись.

— Я не думала, что вы захотите остаться в одиночестве после всего этого.

— Это вы вызвали полицию!

— Да. Я позвонила из автомата на углу. Когда я описала его внешность, они сразу поняли, что это тот самый грабитель.

— А я не знала, поняли ли вы мой намек. Я не смогла выразить яснее, чтобы не вызвать у него подозрений.

— Все было вполне понятно. Как только вы открыли дверь, я сразу поняла, что с вами что-то стряслось. К тому же вы никогда раньше не торопились выпроваживать меня.

— О нет, — миссис Муз пожала руку Анны. — Я всегда вас очень жду.

— Но окончательно все прояснилось, когда вы попросили пьесу «Юлий Цезарь». — Девушка посмотрела на книжный шкаф, стоящий за спиной миссис Муз. — Я же знаю, что у вас есть чудное собрание сочинений Шекспира. Поэтому ваша просьба не могла не показаться мне странной. Пока я шла обратно к машине, все обдумала и догадалась.

— «Ион Кассиус», — процитировала миссис Муз, — имеет тощий и голодный вид».

— Несложно добавить к этому последнюю строчку из речи Цезаря, — добавила Анна. — «Также люди опасны».

Пер. Е. Соловых.

СОДЕРЖАНИЕ

Волки по ту сторону границы	1
Роберт Говард, Лайснел Спрег де Камп	
Создатель Конана	13
Вениамин Кан	
Макферсон перед казнью	14
Роберт Бернс	
Звездные утята (комикс)	15
Станислав Ашмарин	
Премьера	19
Николай и Сергей Ореховы	
В последнюю ночь полнолуния	22
Владимир Васильев	
Дело о трех минутах	25
Виктор Дятлов	
Классики и преступники	29
Патриция Мак Герр	

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» и журналом «Уральский следопыт».

Над двенадцатым выпуском «ПиФ» работали: И. Кузовлев, М. Пудовкин, С. Казанцев, С. Гаврилова, Л. Иокитулло, Н. Зайцева, О. Аржанников.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

ПИФ. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

© Свердловск: Кооператив «Свиток». 1990 — 32 с. Печать высокая. Усл. печ. л. 4.0. Уч.-изд. л. 4.42. Зак. № 850. Тираж 110000 экз. Цена 1 руб. Подписано к печати 19.XI.90. Кооператив «Свиток» Типография изд-ва «Военный железнодорожник». Наш адрес: ул. Декабристов, 67.